

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование кафедры)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право, криминология и уголовно-исполнительное право
(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему Актуальные проблемы уголовного права, связанные с
квалификацией преступлений против личности

Студент

Е.С. Зырянова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный

К.И. Дюк

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

руководитель

Руководитель программы

д-р юрид. наук, профессор, С.В. Жильцов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ г.

Допустить к защите

Заведующий кафедрой

«Уголовное право и процесс» С.В. Юношев

« _____ » _____ 20 _____ г.

Тольятти 2019

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Историко-теоретические аспекты ответственности за преступления против жизни и здоровья в системе преступлений против личности	11
1.1. Генезис уголовной политики российского государства в отношении преступлений против жизни и здоровья	11
1.2. Преступления против жизни и здоровья в системе преступлений против личности.....	28
Глава 2. Особенности квалификации отдельных преступлений против жизни.....	40
2.1. Актуальные вопросы квалификации простого убийства и его квалифицированных составов.....	40
2.2. Проблемы квалификации привилегированных убийств.....	54
Глава 3. Актуальные проблемы квалификации отдельных преступлений против здоровья.....	69
Заключение.....	92
Список используемых источников.....	98

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, как гласит статья 2 действующей Конституции Российской Федерации. Главный закон нашей страны как правового государства гарантирует каждому право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, право свободного передвижения и выбора места жительства. Осуществление вышеуказанных прав напрямую зависит от механизма реализации конституционных установлений, подкрепленного мерами уголовно-правовой защиты.

Преступления против личности являются одними из наиболее социально-опасных видов противоправных деяний по объекту посягательства и представляют собой виновные противоправные действия, направленные на причинение вреда человеку: его жизни, здоровью, свободе, чести и достоинству. В современных условиях защита прав личности все более очевидно становится одним из доминирующих факторов национального развития, основой которого является общечеловеческий интерес. Подлинный прогресс защиты прав человека и гражданина невозможен без должного обеспечения прав личности.

Уголовный кодекс РФ, воплощая положения статьи 3 «Всеобщей декларации прав человека», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года и требования Конституции Российской Федерации об охране жизни, здоровья, свободы личности, личной неприкосновенности, защите частной жизни, чести и достоинства человека первостепенной задачей ставит охрану человека, его интересов от криминальных проявлений.

Именно поэтому Особенная часть уголовного закона нашего государства берет свое начало с раздела VII «Преступления против личности». Родовым объектом введенных в данный раздел противоправных деяний является личность, ее права и свободы, от самых актуальных и насущных – жизни и здоровья, – до чуть менее существенных интересов, но

не менее важных, связанных, например, с защитой чести и достоинства. Учитывая, что законодатель предусмотрел достаточно большое количество составов преступлений против личности, полагаем, что для проведения качественного научного анализа необходимо выделить только часть из них, представляющих наиболее важное значение. Считаем, что преступления против жизни и здоровья в системе преступлений против личности занимают особое место и имеют особое значение в связи с большой степенью важности объекта, подлежащего уголовно-правовой охране, что требует их отдельного исследования в рамках обозначенной темы.

Несмотря на то, что преступления против жизни и здоровья личности изучаются специалистами в области уголовного права уже достаточно давно, на практике правоприменители продолжают совершать ошибки, связанные с их квалификацией. Это происходит и из-за неоднозначной судебной практики, и из-за несовершенства уголовного законодательства, что обуславливает необходимость и актуальность проведения данного исследования.

Состояние разработанности проблемы. Познанием преступлений против личности, в том числе против жизни и здоровья, в разное время занимались ряд отечественных правоведов: А.Я. Азаров, А.Г. Бережнов, С.В. Бородин, Н.В. Витрук, Л.Д. Воеводин, Ю.А. Дмитриев, О.Н. Коршунова, Г.В. Овчинникова, О.Ю. Резепкин и многие другие.

Значительный вклад в разработку темы уголовно-правовой защиты жизни и здоровья личности внесли такие русские деятели науки, как Ю.Н. Аргунова, А.С. Горелик, И.А. Журавлев, В.С. Комиссаров, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Лапушина, Л.В. Лобанова, Т.Н. Нуркаева, А.И. Рарог, Е.В. Тюрюканова, И.М. Тяжкова, Б.В. Яценко, а также другие ученые. По проблемам ответственности за отдельные виды противоправных действий против жизни и здоровья личности защищены кандидатские диссертации Н.В. Бойко, Б.А. Гаджиэменовым, Д.Н. Дмитриевым, А.В. Донцовым, А.А.

Жилкиным, Н.Э. Мартыненко, О.А. Поповым, С.Н. Потапкиным, Д.А. Ситниковым, М.В. Филиным.

Хотя различные точки зрения относительно противодействия преступности, связанной с посягательством на жизнь и здоровье человека, в российской юридической науке уже неоднократно рассматривались в диссертациях, трактовались в монографиях и научных статьях, эта проблематика остается все еще нуждающейся в дальнейшем изучении. В научной разработке нуждаются проблемы техники конструирования преступлений против жизни и здоровья личности, взаимосвязанные с вопросами квалификации этих преступлений. Распространенность составов преступлений против жизни и здоровья личности требует проведения анализа отдельных актуальных проблем их квалификации с учетом последних изменений в практике борьбы с ними.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступлений против жизни и здоровья личности.

Предмет исследования – научные представления, правовые нормы, правоприменительная практика, связанные с квалификацией преступлений против жизни и здоровья личности.

Цель работы заключается в разработке предложений и рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики и законодательного регулирования ответственности за совершение преступлений против жизни и здоровья личности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. выявить исторические особенности отечественной уголовной политики, направленной на регламентацию ответственности за преступления против жизни и здоровья личности;
2. раскрыть содержание и классификацию преступлений против жизни и здоровья человека в системе преступлений против личности;

3. рассмотреть вопросы квалификации простого, квалифицированных и привилегированных составов убийств;

4. выявить проблемы, возникающие при квалификации преступлений против здоровья;

5. разработать предложения по совершенствованию правоприменительной практики и уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против жизни и здоровья личности.

Методология исследования. В диссертационном исследовании применялся комплекс общенаучных методов, таких как диалектический метод, методы анализа и синтеза, системный метод, логический метод, а также совокупность частнонаучных методов: формально-юридического, сравнительно-правового и других методов познания.

Новизна исследования состоит в том, что оно представляет собой комплексное уголовно-правовое исследование преступлений против жизни и здоровья в системе преступлений против личности, проведенное на основе современного состояния правоприменительной практики и законодательных положений, предусматривающих уголовную ответственность за их совершение. Новизну исследования отличает также то, что диссертант предлагает собственное решение некоторых проблем квалификации преступлений против жизни и здоровья личности.

Научные положения и результаты исследования, выносимые на защиту:

1. Государственная политика дореволюционной России по противодействию посягательствам на жизнь и здоровье предусматривала поэтапную законодательную детализацию составов насильственных преступлений, связанных с убийством, доведением до самоубийства или склонением к нему, причинением увечий, оставлением человека в опасности и неоказании помощи погибающему и т.д. Эффективной мерой противодействия насильственной преступности являлось уголовное наказание, влекущее через лишение сословных и имущественных прав

телесные наказания и лишение свободы реализацию принципа справедливости, неотвратимости и соразмерности ответственности.

2. Характерными чертами уголовной политики советского государства по отношению к преступлениям против жизни и здоровья стал репрессивный характер уголовного законодательства, регламентация посредством не только закона, но и подзаконных нормативных актов, а также усиление мер ответственности с одновременной дифференциацией в зависимости от степени опасности совершенного преступления.

3. Объекты уголовно-правовой охраны в виде жизни и здоровья имеют наиболее важное значение для определения места преступлений против жизни и здоровья в системе преступлений против личности. Эти категории неразрывно связаны с личностью человека, именно этим человек больше всего дорожит, их наличие позволяет ему продолжать жизненный путь, в том числе в здоровом состоянии. Именно поэтому законодатель определил защиту жизни и здоровья в качестве приоритетной. Тем не менее, следует разграничивать преступления против жизни и здоровья от преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье, несмотря на их включение в одну главу, поскольку при совершении последних не происходит непосредственного посягательства на жизнь и здоровье.

4. Цель и мотив убийства, выступая дополнительными элементами субъективной стороны, влияют на характер и степень общественной опасности деяния. Недостаточное внимание к этим субъективным признакам, неточное их установление приводят к ошибкам при квалификации убийств. К ошибкам может привести неполное установление фактических обстоятельств происшествия, дающих характеристику деянию и личности преступника, недостаточное изучение допреступного поведения виновного, неверное толкование содержания мотивов и целей преступления, а также недооценка необходимости доказывания мотива убийства.

5. Предлагаем квалифицировать убийство, сопряженное с корыстно-насильственным преступлением против личности и общественной

безопасности, не применяя квалифицирующие признаки сопряжения с совершением каких-либо преступлений. Здесь следует исходить из цели и мотива и осуществлять квалификацию соответствующих составов по совокупности с п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (с целью облегчения совершения преступления либо его сокрытия) или с ч. 1 ст. 105 УК РФ (по мотиву мести за оказанное сопротивление). Полагаем, что такую позицию следует признать правильной, поскольку даже наличие корыстного мотива не имеет уголовно-правового значения при квалификации хищений либо вымогательства этих предметов, поэтому и вменение п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ при убийстве, сопряженном с совершением данных преступлений, выглядит нелогичным.

6. Полагаем, что любая женщина, будь то биологическая мать или суррогатная, фактически родившая ребенка, с точки зрения уголовного закона должна признаваться матерью. В связи с этим предлагаем изменить формулировку ст. 106 УК РФ. В первую очередь целесообразно добавить к ней примечание следующего содержания: «Под матерью в настоящей статье понимается биологическая мать ребенка либо женщина, выносившая и родившая его (суррогатная мать)». Во-вторых, следует убрать из статьи такие оценочные понятия, как «во время родов» в виду неопределенности этого периода, а также «психотравмирующая ситуация» и «состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости», которые можно учитывать как смягчающие обстоятельства вне рамок состава. Это исключит ошибки при привлечении к ответственности по ст. 106 УК РФ суррогатной матери, убившей новорожденного ребенка, и позволит избежать разночтений в толковании вышеуказанных оценочных понятий при квалификации данного преступления.

7. При квалификации действий виновного по ст. 111 УК РФ необходимо учитывать не только заключение судебно-медицинской экспертизы, но при определенных обстоятельствах и иные факторы: нравственно-эстетические, бытовые, дополнительные элементы субъективной стороны. В некоторых случаях отсутствие таких признаков

может указывать не на причинение тяжкого вреда здоровью, а на менее тяжкий вред, например, если телесные повреждения не повлекли заведомо для виновного полную утрату профессиональной трудоспособности.

8. В ситуациях, когда вред здоровью причиняется в соисполнительстве, квалификацию по ч. 4 ст. 111 УК РФ нельзя основывать на непосредственной причине, установленной по результатам экспертизы. При фактическом наступлении тяжкого вреда здоровью из-за умышленных совместных действий двух или более лиц, ответственность для всех соучастников должна быть по фактически наступившим последствиям. Независимо от того, чьи конкретно действия привели к наступлению смерти, квалификация за последствия проводится в одинаковой степени для всех соучастников.

Теоретическая и научная значимость исследования заключается в детальной проработанности составов преступлений против жизни и здоровья личности, авторских предложениях, развивающих положения уголовного права относительно их квалификации, что может стать основанием для дальнейших научных исследований по данной проблематике.

Практическая значимость работы заключается том, что предложенные выводы и рекомендации могут быть применены для дальнейшего проведения реформирования в части законодательного регулирования уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья личности, а также для их использования в процессе правоприменения. Предложения и обобщения, подготовленные автором, могут быть использованы в процессе обучения студентов по дисциплинам «Уголовное право», «Преступления против личности», а также при подготовке, переподготовке и повышении квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Научная обоснованность и достоверность определяется тем, что полученные результаты и выводы диссертации были обсуждены и одобрены на международной научно-практической конференции «Уголовное право в эволюционирующем обществе» (Курск, 2018), где дана критическая оценка

выводов работы, сделанная в сравнении с ранее имевшимися в юридической литературе.

Личный вклад автора в исследование заключается в том, что диссертант самостоятельно выполнил выбор темы исследования, лично собрал все теоретические и эмпирические материалы, провел их анализ, подготовил предложения и оформил научную публикацию по теме исследования.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационного исследования изложены в одной статье общим объемом 0,2 п.л.

Структура и объем магистерской диссертации. Структура диссертации обусловлена поставленной целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, разделенных на пять параграфов, заключения и списка используемых источников. Общий объем ВКР – 105 страниц.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

1.1. Генезис уголовной политики российского государства в отношении преступлений против жизни и здоровья

Правовая политика РФ по обеспечению национальной безопасности актуализирует разработку приоритетных направлений охраны личности, общества и государства посредством мер уголовно-правового характера¹. Стратегическую роль приобретает институционализация в национальном законодательстве норм, обеспечивающих защиту естественных прав человека². Актуализация проблемы обеспечения личной безопасности человека предопределила ключевую роль уголовно-правовой политики РФ в контексте нормативно-правового регулирования общественных отношений в сфере противодействия насильственной преступности. Необходимо подчеркнуть, что современная уголовно-правовая политика РФ по противодействию насильственной преступности базируется на взаимодействии норм международного и национального законодательства. Вместе с тем национальный механизм охраны жизни и здоровья личности характеризуется последовательным нормативно-правовым оформлением в процессе эволюции российской государственности. В основу поэтапной законодательной регламентации были положены принципы государственно-правового механизма по обеспечению основных прав и свобод человека. Формирование правовой политики в области реализации естественных прав и свобод человека становится определяющим в оформлении методологических принципов неприкосновенности жизни и здоровья личности. Анализ

---

¹ Савин П.Т. Особенности уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья по законам брегонов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2 (16). С. 85.

² Авдеев В.А., Авдеева О.А. Конституционализация уголовного закона в сфере обеспечения права человека на жизнь // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2014. № 4. С. 210.

развития отечественной государственности позволяет проследить процесс оформления национальной правовой политики, раскрыть особенности формирования национального механизма уголовно-правовой охраны жизни и здоровья.

Появление человеческой цивилизации, сопряженное с формированием государственности, сталкивается с проблемой свободы человека, характеризующейся, начиная с первобытного общества, поведением человека, выступающего индивидуумом, лично определяющим по собственному волеизъявлению линию и меру дозволенного поведения. В результате свобода одних индивидов становится реальной угрозой безопасности жизни и здоровью других членов общества¹.

Регулирование уголовных правоотношений с возникновением Древнерусского государства базировалось на языческих обычаях, закрепляющих приоритетную роль кровной мести по принципу «око за око, зуб за зуб». Данный правовой обычай, реализуя цель возмездия и устрашения, предоставлял потерпевшему лицу либо его родственникам право на осуществление расправы с преступником. Постепенно законодатель ограничивает перечень «мстителей» по принципу ближайшего родства кругом родственников потерпевшего в лице отца, сыновей, братьев и племянников (ст. 1 Краткой Правды). В случае нежелания «мстить» или отсутствия ближайших родственников предоставлялось право назначения судом уголовного штрафа — «выкупной цены».

Законодательное оформление преступлений против жизни и здоровья наметилось с появлением Русской Правды². Одной из ключевых предпосылок зарождения насильственной преступности в России являются возникшие в условиях становления отечественной государственности социально-экономические и политико-правовые противоречия в обществе,

---

¹ Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права // *Lex Russica*. 2018. № 10 (143). С. 158.

² Артюшина О.В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья // *Правоприменение*. 2017. № 3. С. 135.

детерминированные конфликтом личных и имущественных интересов, разрешаемых преимущественно путем осуществления посягательств на жизнь и здоровье человека.

К категории особо тяжких преступлений относили посягательства на жизнь и здоровье представителей административно-княжеского аппарата. По данным летописного материала, глава государства и представляющие его интересы органы администрации и суда обладали правом без предварительного расследования применять к лицам, обвиняемым в совершении посягательств на жизнь и здоровье княжеских бояр и слуг, самые суровые виды наказания.

С ростом феодальных противоречий и социальной поляризацией общества вносятся изменения в последующие редакции Русской Правды. Подробная законодательная регламентация убийства была дана в ст.ст. 1-21 Пространной Правды (далее – ПП). Статьи 23-31, 65, 67-68, 78 Пространной Правды содержат составы преступлений, сопряженных с телесной неприкосновенностью личности. Так, Пространная Правда разграничивает два вида преступлений против здоровья – нанесение увечий, ран, побоев и членовредительство. При этом Пространная Правда подразделяет преступление, связанное с нанесением увечий, ран и побоев, с учетом предмета преступления, в качестве которого признавали «не обнаженный меч, палку, жердь, чашу, рог и руку»¹. Состав преступления против здоровья, связанный с членовредительством, предусматривал повреждение или усечение части тела – руки, ноги, носа, глаз или пальцев.

Исходя из дифференциации степени причиненного общественного вреда, эволюционируются цели уголовного наказания. Вследствие этого охрана жизни и здоровья главы государства и членов его административно-судебного аппарата сопровождалась детальной регламентацией уголовной ответственности. Система мер уголовно-правового характера предусматривала основные и дополнительные наказания. Для устрашения

---

¹ Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси. М, 1984. Т. 1. С. 35.

подданного населения и превенции посягательств на жизнь и здоровье главы государства и представителей административно-судебного аппарата стала массово назначаться смертная казнь, как простая, так и квалифицированная (утопление, повешение, сожжение и убиение камнями).

Согласно древнерусскому уголовному праву при наличии имущественной дифференциации общества были разграничены цели уголовно-правового воздействия (возмездие и исправление) посредством установления наказаний в виде «потока и разграбления», лишения свободы, телесных и членовредительских наказаний и уголовного штрафа.

«Поток и разграбление» назначались за совершение тяжких преступлений, связанных с убийством в разбое. Основным видом наказания выступал «поток», предусматривающий лишение преступника социального статуса (чина), права проживать с семьей на прежнем месте и изгнание (ст. 7, 35, 83 ПП). Дополнительно к «потоку» осуществлялось «разграбление», т.е. полная конфискация имущества.

Если посягательства против жизни и здоровья были осуществлены непосредственно представителями великокняжеской власти, то им могло быть назначено наказание в виде помещения в тюрьму.

С учетом необходимости создания разветвленного государственного административно-судебного аппарата уголовная политика в сфере назначения наказания характеризуется законодательной детализацией уголовного штрафа. Пространная Правда устанавливает назначение двойного уголовного штрафа, размер которого варьировался в зависимости от состава преступления и социального статуса преступника и потерпевшего. В случае убийства в пользу Великого киевского князя назначалась «вира», в пользу родственников убитого – «головничество». Так, например, при убийстве «княжа муж» размер «вирь» достигал 80 гривен серебра (ст. 3 ПП). За убийство иных лиц мужского пола, имеющих свободный статус, назначалась вира в размере 40 гривен серебра (ст. 1, 11 ПП). Убийство свободной женщины каралось вирой в 20 гривен серебра (ст. 88 ПП). В случае убийства

феодално-зависимых смердов и лично-зависимых челядинов вира не превышала 6 гривен серебра (ст. 14, 16 ПП). Размер «головничества» определялся усмотрением суда.

При совершении преступлений против здоровья, таких как раны, побои и другие увечья или совершении членовредительства, устанавливались штрафы: «продажа», взимаемая в казну и «урок», направлявшийся в пользу потерпевшего.

Социально-экономические и политические преобразования, происходившие на территории Древнерусского государства в XII-XIV вв., отразились на основных направлениях реализации уголовно-правовой политики. Псковская судная грамота (далее – ПСГ) предусматривает разграничение преступлений против жизни и здоровья¹. К преступлениям против жизни и здоровья причисляли убийство и побои. Убийство («головщина») заключалось в причинении смерти другому человеку (ст. 96 ПСГ). Закон стал разграничивать составы отцеубийства и братоубийства (ст. 97 ПСГ).

Регламентируя понятие побоев, псковское законодательство предусматривало совершение насильственных действий посредством нанесения ударов, не нарушающих анатомическую целостность тканей организма человека, но сопровождающихся причинением физической боли (ст. 20, 27, 80, 105, 111 ПСГ). «Учинение боя на торгу, улицах Пскова или пригородах», завершившееся до суда «прощением» сторон, влекло освобождение виновного лица от уголовной ответственности (ст. 80 ПСГ)².

Основные тенденции уголовно-правовой политики Русского централизованного государства в сфере регламентации преступлений против жизни и здоровья получили отражение в Судебнике 1497 г. К числу преступлений против жизни и здоровья относили убийство и побои. Квалифицирующим признаком «душегубства» признавалось причинение

---

¹ Авдеева О.А. Правовая политика России в XII-XIV вв.: учебное пособие. Иркутск, 2002. С. 46.

² Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. Л.: Наука, 1980. С. 18.

приписными крестьянами и горожанами смерти своим господам. Наказанием «государскому убойце» служила смертная казнь (ст. 9). Совершение убийства лицом, имеющим судимость за ранее реализованное преступление («ведомым лихим человеком»), также имело квалифицирующее значение¹.

Необходимо заметить, что нанесение побоев не всегда сопровождалось назначением виновному лицу наказания. Такой подход был обусловлен позицией законодателя, предусматривающего возможность примирения сторон. Исходя из частно-публичного характера обвинения, суд взыскивал с участников процесса «езди хоженое». В свою очередь, несостоявшееся примирение сторон требовало назначения осужденному уголовного штрафа («продажи»). Массовое антикрепостническое движение в период централизации Русского государства потребовало изменения действовавшей системы наказаний. Устрашению социальных низов, прежде всего, способствовало широкое распространение смертной казни. В этой связи увеличивается перечень преступлений, предусматривающих в качестве меры наказания смертную казнь. Смертная казнь назначалась, в частности, за «душегубство» господина и иное «лихое дело», реализованное «ведомым лихим человеком».

Анализ правовых источников показывает разнообразие способов осуществления смертной казни. Указанный вид наказания, как правило, исполнялся посредством повешения либо отсечения головы. В отдельных случаях использовалось утопление, четвертование, включая иные квалифицированные виды смертной казни.

Помимо смертной казни к осужденным применялись телесные наказания. Наиболее распространенным телесным наказанием считалась «торговая казнь». Процесс ее исполнения сопровождался причинением физических страданий путем «бития кнутом». По свидетельству летописцев,

---

¹ Судебник Ивана III: Становление самодержавного государства на Руси / Под общ. ред. И.Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 52.

подобное истязание кнутом, «сопровождающееся сдираанием кожи и мяса», нередко приводило к смерти осужденного лица.

Распространенным видом наказания в период централизации признавался уголовный штраф, размер которого определялся личным усмотрением судьи. При этом практиковался такой метод, как «правеж», в случае невыполнения решения суда: виновного били прутом по икрам в зависимости от размера штрафа.

Избрание меры государственного принуждения осужденному лицу в отдельных случаях предопределялось его социальным статусом. К лицам, нарушившим правовой запрет, входящим в число приближенных к трону родовой аристократии, применялись и иные виды наказания. Таковыми являлись лишение и ограничение свободы. Лишение свободы исполнялось посредством тюремного заключения и тюремного заточения. Ограничение свободы осуществлялось путем ссылки на поселение.

Определяя меры уголовно-правового характера, судьи учитывали обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность. Обстоятельством, влияющим на меру ответственности, признавался социальный статус подсудимого. Наличие присвоенных монархом титулов, званий и классовых чинов при совершении особо тяжких преступлений влекло замену смертной казни на более мягкое наказание в виде лишения или ограничения свободы. Обстоятельством, отягчающим меру ответственности, признавалось повторное совершение преступления. Лицу, повторно нарушившему установленный законом правовой запрет, судья назначал более суровое наказание вследствие признания его «лихим» человеком.

Законодательная регламентация смертной и «торговой» казни и уголовного штрафа указывает на определенные тенденции развития уголовно-правовой политики Русского государства периода централизации¹. Широкое применение смертной казни и разнообразных способов ее реализации раскрывают одно из приоритетных направлений уголовно-

---

¹ Авдеева О.А. Правовая система России в XVI-XVII вв. Иркутск, 2004. С. 49.

правовой политики – предупреждения совершения новых преступлений путем публичного устрашения населения.

Уголовно-правовая политика периода сословно-представительной монархии находит свое отражение в Соборном уложении 1649 г., которое, сохраняя преемственность прежнего законодательства, осуществляет дальнейшую детализацию институтов уголовного права. К преступлениям против жизни и здоровья относили убийство, причинение смерти по неосторожности и нанесение вреда здоровью. Соборное уложение дифференцирует ответственность за убийство в зависимости от объекта посягательства. Так, совершение «убойства смертного умышлением» каралось смертной казнью (ст. 72 гл. XXI). «Смерти без какой-либо пощады» подлежали сын или дочь, умышленно причинившие смерть «своим отцу или матери». Между тем «смертное убийство», реализованное отцом или матерью в отношении детей, наказывалось тюремным заключением сроком на один год (ст. 3 гл. XXII). Мера государственного принуждения при причинении смерти по неосторожности избиралась с учетом социального статуса виновного лица.

Причинение вреда здоровью предполагало отсечение руки, ноги, носа, ушей, губ и выкалывание глаз. Наказание виновному лицу назначалось по принципу талиона. Так, при «учинении мучительных надругательств» осужденного приговаривали к членовредительским наказаниям и штрафу (ст. 12 гл. XXII). Нанесение вреда здоровью женщины, умышленно «изувеченной лошадыю», требовало «нещадно бить кнутом» виновное лицо и отправить его в тюрьму сроком на три месяца, компенсировав причиненный потерпевшей ущерб. При наступлении смерти потерпевшей в результате совершения данного деяния осужденному назначалась смертная казнь¹. Смертная казнь могла быть простой и квалифицированной (в виде сожжения, заливания горла раскаленным металлом и закапывания заживо в землю).

---

¹ Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года: Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 15.

Телесные наказания занимают вторую позицию в системе мер государственного принуждения, способствующих достижению целей уголовного наказания. Телесные наказания делились на два вида: болезненные и членовредительские. Болезненные наказания осуществлялись путем сечения осужденного на торгу кнутом или батогами. Членовредительские наказания назначали по принципу талиона и производили посредством урезания конечности тела, ушей, губ, ноздрей и выкалывания глаз.

Следующей мерой в системе наказания по Соборному уложению 1649 г. являлось лишение свободы в виде ссылки и тюремного заключения. Ссылка использовалась для изоляции виновного лица от общества. Этому способствовали «труднодоступные места» в виде монастырей, крепостей и острогов, где отбывали наказание осужденные. В свою очередь, тюремное заключение назначалось, как правило, в качестве дополнительного вида наказания на срок от трех дней до трех месяцев.

К основному виду наказания законодатель относил лишение чести и прежних прав и привилегий осужденных, принадлежащих к социальным верхам. Дело в том, что исполнение данной меры государственного принуждения сопровождалось отстранением осужденного от занимаемой должности в органах государственной власти. Представители социальных низов, которым назначался указанный вид наказания, «выдавались исцу с головой», обращались в «обельных» холопов. Социальный статус обвиняемого и потерпевшего учитывался при использовании системы штрафов. Дополнительным видом наказания являлась конфискация в пользу государства¹.

Уголовно-правовая политика подвергается радикальным изменениям в период становления в России абсолютистских начал (XVII-XVIII вв.). Этому способствуют социально-экономические и политико-правовые

---

¹ Зубкова В.И. Преступления против личности по законодательству России: история, законодательство и практика: монография. М., 2016. С. 28.

преобразования, происходящие на территории Российской империи¹. Поступательное развитие экономики, проведение активной внешнеполитической деятельности детерминировало необходимость разработки уголовно-правовой стратегии, отражением которой становится Артикул воинский 1715 г. Преступления против личности включают посягательства на жизнь и здоровье и иные составы преступлений, характеризующиеся другими непосредственными объектами уголовно-правовой охраны. К преступлениям против жизни и здоровья причисляли различные виды убийства: родителей, офицера, новорожденного ребенка, самоубийство, убийство по неосторожности, нанесение вреда здоровью и побои. Убийство каралось смертной казнью в различных ее вариациях. Смертная казнь исполнялась посредством отсечения головы, колесования и повешения. Причинение смерти по неосторожности предусматривало наказание более мягкое, «по судейскому разсуждению»² (арт. 163).

Под побоями понимали нанесение насильственных действий в виде «ударов по щеке» (арт. 145). Причинение побоев влекло назначение наказания по принципу талиона. Так, за нанесение удара по щеке виновного полагалось ударить профосу «пред всею ротою». Тяжесть наступивших последствий при причинении вреда здоровью определяла меру государственного принуждения виновному лицу. Например, причинение вреда здоровью путем нанесения ударов «с сердцов и злости тростию или иным чем» наказывалось отсечением руки (арт. 146).

Законодательная новеллизация преступлений против жизни и здоровья связана с выделением в Своде законов Российской империи 1832 г. самостоятельного раздела – «О смертоубийстве умышленном», в котором дополнительной регламентации подлежали преступления против жизни и здоровья человека и виды наказаний, предусмотренные за их совершение³.

---

¹ Авдеева О.А. Правовое регулирование уголовных правоотношений в России (IX-XVIII вв.): монография. Иркутск, 2012. С. 56.

² Колобов Б.В. Армия и флот // Законодательство Петра I / Отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. М.: Юридическая литература, 1997. С. 101.

³ Долголенко Т.В. Преступления против жизни и здоровья. М., 2016. С. 26.

Так, главный виновник умышленного смертоубийства подвергался лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и каторжной работой. Степень неосторожного смертоубийства учитывается при выборе вида наказания – тюремного заключения, денежного штрафа или телесного наказания. Однако во всех случаях виновный подлежал церковному покаянию. Характерной особенностью является идентификация мер ответственности за убийство в драке и неосторожное смертоубийство (ст. 332-337).

Свод законов Российской империи дифференцирует особенные виды смертоубийства, выделяя следующие виды убийства: а) родственное; б) начальников подчиненными и наоборот; в) господ слугами и наоборот; г) лиц при отправлении должностей (ст. 341). В качестве неблагоприятного последствия для самоубийц предусматривалось лишение их возможности христианского погребения (ст. 347). Осуждению подвергались как ослушники закона учинившие вызов на поединок и обнажившие оружие. Секунданты рассматривались в качестве участников поединка, подлежали осуждению в зависимости от характера наступивших последствий. При убийстве они становились соучастниками убийства и т.п. (ст. 349-354). Свод законов Российской империи суть телесных повреждений сводит к ранам и увечьям. Причинение легких ран влекло обесчещивание виновного, заключение в тюрьму, денежный штраф либо телесное наказание. Нанесение тяжелых ран обуславливало отсечение руки, ноги, уха и т.д. Кроме того, осужденный лишался всех прав состояния, наказывался плетьюми и подлежал ссылке на поселение (ст. 361-362).

Новый этап законодательной регламентации посягательств на жизнь и здоровье сопряжен с разграничением в разд. X Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. преступлений против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц. В главе I – «О смертоубийстве» дифференциации подлежала ответственность за: 1) умышленное убийство отца или матери; 2) повторное смертоубийство; 3) предумышленное убийство; 4) предумышленное убийство жены или мужа, сына либо дочери и

т.д. В главе II «О самоубийстве» в ст. 1943-1947 устанавливалась ответственность за лишение себя жизни, покушение на лишение себя жизни, склонение к самоубийству, побуждение вверенного или подчиненного лица к самоубийству. В главе III «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью» подробно раскрывалась специфика таких посягательств на здоровье человека, как: а) тяжкое увечье; б) менее тяжкое увечье. Более того в гл. V «О произвольном оставлении человека в опасности и неоказании помощи погибающему» нашли отражение иные составы преступлений, угрожающие жизни или здоровью личности¹.

Анализ механизма охраны жизни и здоровья человека позволяет отметить неоднозначные подходы к законодательному оформлению уголовно-правовых запретов и наказаний, предусмотренных за их нарушение. В процессе эволюции государственности наметились основополагающие принципы уголовно-правовой политики, предусматривающие законодательную регламентацию составов преступлений и мер уголовно-правового характера. Государственная политика России по противодействию посягательствам на жизнь и здоровье предусматривала поэтапную законодательную детализацию составов насильственных преступлений, связанных с убийством, доведением до самоубийства или склонением к нему, причинением увечий, оставлением человека в опасности и неоказании помощи погибающему и т.д. Эффективной мерой противодействия насильственной преступности являлось уголовное наказание, влекущее через лишение сословных и имущественных прав телесные наказания и лишение свободы реализацию принципа справедливости, неотвратимости и соразмерности ответственности.

Вместе с тем ретроспективный анализ дореволюционной отечественной уголовно-правовой политики продемонстрировал актуализацию проблемы назначения справедливого и соразмерного

---

¹ Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1885 г. СПб., 1909. С. 616.

наказания, а также вопросы юридической квалификации преступления и отграничения данных преступлений от сходных составов¹. Специфика регламентации преступлений против жизни, связанных с причинением смерти, состоит в законодательной формуле, признающей как неосторожное, так и умышленное убийство. Детальной регламентации требовало разграничение признаков, характеризующих: убийство из личных неприязненных отношений и корыстных побуждений; основной состав убийства и убийство, сопряженное с разбоем; убийство при отягчающих обстоятельствах и при превышении пределов необходимой обороны; убийство, совершенное в соучастии, пособничество в убийстве и убийство, совершенное группой лиц; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть человека.

Октябрьский переворот 1917 года разрушил всю существовавшую в Российской Империи систему норм, гарантировавших охрану жизни и здоровья человека. В первые годы советской власти в условиях гражданской войны судам приходилось пользоваться совокупностью правовых норм, оставшихся от прежней власти и не противоречивших революционному правосознанию, а также содержащихся в новых подзаконных актах, что порой приводило к путанице в квалификации преступлений против жизни и здоровья. Только с принятием в 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР законодательный пробел был ликвидирован. Кодекс существенно отличался от дореволюционного законодательства как набором составов преступлений против жизни и здоровья, так и предусмотренными санкциями. Так, глава V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» содержала подразделы «Убийство» и «Тяжкие телесные повреждения и насилия над личностью»².

---

¹ Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М., 2015. С. 89.

² О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 15. ст. 153.

Закрепление понимания убийства в первом советском уголовном законе имело свои особенности. В первую очередь, это был единственный кодекс, в котором, хотя и недолгое время, убийство из чувства сострадания не предусматривало мер ответственности. Во-вторых, ст. 142 УК РСФСР включала в себя 6 квалифицированных признаков убийства, к которым относились: а) корысть, ревность и другие низменные побуждения; б) лицо уже отбывало наказание за умышленное убийство или тяжкое телесное повреждение; в) способ, опасный для жизни людей или особо мучительный для убитого; г) в целях облегчения или сокрытия другого тяжкого преступления; д) в обязанности лица была особая забота об убитом; е) использование беспомощного положения убитого. В качестве наказания предусматривалось лишение свободы на срок не менее 8 лет. В-третьих, УК РСФСР включал в себя привилегированные составы убийства: в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны, при задержании преступника, которые наказывались мене строже – от 1 до 3 лет лишения свободы. В-четвертых, кодекс разграничивал убийство по неосторожности, а также изменял отношение законодателя к самоубийству: каралось только содействие к самоубийству несовершеннолетних.

Дифференциация преступлений, причиняющих телесные повреждения, или с насилием над личностью происходила по степени тяжести, форме вины и обстоятельствам совершения деяний. В частности, выделялись такие преступления, как неосторожное телесное повреждение (без указания степени тяжести), заведомое заражение тяжелой венерической болезнью, насильственное незаконное лишение свободы, похищение ребенка и др. В качестве наказания безальтернативно применялось лишение свободы, при этом за умышленные тяжкие преступления определялась только нижняя граница наказания.

Очевидно, что УК РСФСР 1922 г. отражал процессы, происходившие в советском обществе. Как представляется, набор составов преступлений имел казуистический характер: законодатель стремился предусмотреть те

преступления, которые были наиболее распространены в первые годы советской власти. Репрессивность уголовной политики определялась безальтернативным лишением свободы вне зависимости от тяжести совершенного деяния и его последствий и зависимостью размера наказания от судебного усмотрения.

В отличие от УК РСФСР 1922 г., в новом УК РСФСР 1926 г. законодатель не стал разграничивать преступления в зависимости от видового объекта, и все преступные деяния, посягавшие на жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности были помещены в одноименную главу. Новый кодекс не только содержал до этого не предусматривавшиеся составы и виды наказания, но и увеличивал сроки лишения свободы за совершение тяжких умышленных преступлений. Например, квалифицированные виды убийства карались лишением свободы на срок не менее 10 лет; был введен состав доведения до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, с жестоким обращением; для привилегированных убийств стали предусматриваться альтернативные санкции в виде штрафа или принудительных работ.

При дифференциации преступлений против здоровья в отличие от прежнего кодекса, выделявшего тяжкие и менее тяжкие телесные повреждения, стало применяться понятие легких телесных повреждений. При этом за совершение привилегированных или неосторожных телесных повреждений, побоев наказание в виде лишения свободы перестало применяться, включая в себя лишь принудительные работы (впоследствии замененные на исправительно-трудовые) или штраф. Наказание же за умышленное причинение тяжких телесных повреждений ужесточалось более чем в два раза¹.

Исходя из содержания кодекса, прослеживается попытка законодателя в период перестройки социально-экономического уклада жизни (НЭПа),

---

¹ О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года (Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года) : Постановление ВЦИК от 22.11.1926 // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 06.12.1926. № 80. ст. 600.

ослабления репрессивного отношения к любым видам преступных проявлений, провести резкое разграничение наказания за совершение преступлений против жизни и здоровья. Фактически предусмотрев для них такой вид наказания как штраф, власть решала сразу две проблемы: разгрузку переполненных тюрем за счет наименее опасных преступных элементов и пополнение бюджета.

В дальнейшем УК РСФСР 1926 г. претерпел некоторые изменения в части определения преступлений против жизни и здоровья. Некоторые из них были включены в кодекс законным способом. Например, в 1934 г. УК РСФСР стал предусматривать убийство, совершенное военнослужащим, при особо отягчающих обстоятельствах с наказанием в виде высшей меры наказания – расстрела. В дальнейшем законодатель стал подменять положения уголовного закона принятием других актов. В частности, Президиум Верховного Совета СССР своими указами сначала в 1947 г. отменил смертную казнь (с заменой на 25 лет исправительно-трудовых лагерей)¹, а в 1954 г. опять ее ввел для лиц, совершивших умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах². УК РСФСР, естественно, подобных положений не содержал, в чем отражалась особенность уголовной политики советского периода, заключающаяся в регламентации преступлений и наказаний за них посредством не закона, а подзаконных актов, в зависимости от особенностей социально-политической обстановки.

Происходившие во второй половине 1950-х гг. процессы либерализации и гуманизации общественной жизни выступили основанием для изменения уголовного законодательства для придания ему менее репрессивного характера. В связи с этим в 1960 г. был принят новый УК РСФСР. Однако в него не только были включены новые составы квалифицированного убийства (например, заведомо беременной женщины,

---

¹ Об отмене смертной казни : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.05.1947 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 17.

² Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.04.1954 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 11.

двух и более лиц, на почве кровной мести, особо опасным рецидивистом и др.), но и законодательно закреплено ужесточение наказания за их совершение – от 8 до 15 лет лишения свободы либо смертная казнь. Составы преступлений против жизни были установлены предельно лаконично: умышленно убийство, его квалифицированные составы, убийство в состоянии аффекта, при превышении необходимой обороны, неосторожное убийство и доведение до самоубийства¹.

Преступления против здоровья были более разнообразными. Законодатель стал разделять тяжкое, менее тяжкое и легкое телесное повреждение, декриминализовал неосторожное легкое телесное повреждение, ввел для неосторожного менее тяжкого телесного повреждения такой вид наказания как общественное порицание. Однако к определению привилегированных составов был отмечен нелогичный подход. В состоянии аффекта каралось совершение только умышленного тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, а при превышении пределов необходимой обороны как умышленного, так и неосторожного.

Несмотря на заявления властей о необходимости принятия более гуманного уголовного закона, наказания за совершение практически всех преступлений против жизни и здоровья по сравнению с УК РСФСР 1926 г. были скорректированы, но не в меньшую, а в большую сторону. УК РСФСР 1960 г. оказался более стабильным, чем предыдущие кодексы. В дальнейшем все составы преступлений против жизни и здоровья в нем были сохранены, добавились только два квалифицированных признака убийства: на почве национальной или расовой вражды или розни (что также отражало процессы, происходившие в российском обществе в начале 1990-х гг.) и по предварительному сговору группой лиц, а также квалифицированный признак умышленного тяжкого и менее тяжкого телесного повреждения: в отношении лица в связи с выполнением им своего служебного либо общественного долга или в отношении его близких родственников, а также

---

¹ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. ст. 591.

иных лиц, на жизнь и здоровье которых совершается посягательство с целью воспрепятствовать законной деятельности указанного должностного лица. Изменению подвергались лишь размеры наказаний, в основном за счет их небольшого увеличения.

Таким образом, характерными чертами уголовной политики советского государства по отношению к преступлениям против жизни и здоровья стал репрессивный характер уголовного законодательства, регламентация посредством не только закона, но и подзаконных нормативных актов, а также усиление мер ответственности с одновременной дифференциацией в зависимости от степени опасности совершенного преступления.

Следует отметить, что проблемы реализации уголовно-правовой политики в сфере охраны жизни и здоровья predeterminedены адекватизацией мер уголовного наказания. Реализация уголовного наказания должна предусматривать учет совокупности факторов, в том числе категорию совершенного преступления, общественную опасность личности виновного, совокупность иных обстоятельств, подлежащих учету при выборе меры государственного принуждения, порядок и условия содержания осужденных. Таким образом, эффективность уголовно-правовой политики в сфере обеспечения права человека на жизнь и здоровье инспирирует законодательную формулу, балансирующую правовые критерии оценки и квалификации уголовно-правовых норм и дифференцирующую наказание исходя из степени причиненного человеку, обществу и государству данными видами преступлений ущерба.

1.2. Преступления против жизни и здоровья человека в системе преступлений против личности

Преступления против личности имеют наивысшую степень общественной опасности, поскольку нацелены в отношении наиболее защищаемых законодательством Российской Федерации социальных

ценностей. Это обстоятельство служит главной предпосылкой конституционной защиты значимых прав и свобод личности. Согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации высшей ценностью признается человек, а также его права и свободы¹. Следовательно, их защита определяется первостепенной обязанностью для государства.

В реализации конституционных положений о защите прав личности уголовное законодательство регламентирует вопросы ответственности за посягательства на наиболее ценные интересы личности, охраняемые законом.

Преступление против личности – это такое виновное противоправное деяние, которое прямо и непосредственно направлено на причинение вреда человеку, его жизни, здоровью, свободе, чести, достоинству. Опираясь на законодательное определение понятия преступления, наука уголовного права определяет, что любые преступления, в том числе и преступления против личности, характеризуются совокупностью ряда обязательных признаков, таких как:

- опасность деяния;
- уголовная противоправность;
- виновность;
- наказуемость деяния.

Опасность деяния – это материальный признак преступления. Опасность разъясняет, что деяние отрицательно для личности, т.е. опасность состоит в том, что деяние наносит или создает угрозу причинения существенного вреда личности. Уголовный закон осуществляет защиту от преступных посягательств на безопасность личности. Опасность деяния отличается по характеру и степени. Характер опасности преступлений против личности зависит от содержания межличностных отношений, на которые посягает преступление и от содержания вредных последствий (материальных, физических, морального вреда). Степень опасности определяется величиной причиненного ущерба, степенью вины

---

¹ Конституция Российской Федерации 1993 г. // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

(умышленной, предумышленной, умышленно-внезапной, умышленно-аффектированной, неосторожной и т.д.), степенью низменности мотивов и целей преступления, сравнительной опасностью в зависимости от специфики места и времени его совершения.

Уголовная противоправность – это опасное деяние, которое определено законом в качестве преступления. Она включает в себя запрещенность преступления, соответствующего определенной уголовно-правовой норме (в частности, из раздела VII УК РФ), под угрозой применения к виновному уголовного наказания. Уголовная противоправность деяния является юридическим выражением его общественной опасности.

Вина – это отношение психики физического лица к совершаемому им опасному деянию (к действию или бездействию) и его последствиям в форме умысла или неосторожности. Виновным в осуществлении преступления как видно признается только лицо способное, как по своему возрасту, так и психическому состоянию, правильно воспринимать совершаемые им противоправные действия, отдавать в них себе отчет и руководить их совершением. Преступлениям против личности присуща вина в обеих формах.

Четвертый существенный признак противоправного деяния против личности – его наказуемость. Наказание – это обязательное правовое последствие преступления. Наказуемость определяется в угрозе возможного применения наказания за деяния, предусмотренные разделом VII уголовного закона.

Согласно позиции Р.С. Джинджолия, успешность процедуры квалификации преступлений против личности во многом формируется уровнем правосознания и профессиональной компетентности конкретных сотрудников правоохранительных органов. К сожалению, в социальной реальности их кадровый состав не во всех случаях характеризуется высоким уровнем мастерства, что влечет за собой неминуемые ошибки в рабочем процессе. Кроме того, Р.С. Джинджолия указывает на несовершенство

некоторых уголовно-правовых норм, имеющих бланкетный характер, влекущее их излишнюю формализацию¹.

Как видим, можно подчеркнуть два аспекта сложности квалификации преступлений против личности, объединенные с недостатками собственно его нормативно-правовой основы, а также правоприменительной практики. Полагаем, что внимание научного сообщества, прежде всего, ориентировано на первый из представленных факторов. Данное умозаключение вытекает из социальной функции науки, которая должна предназначаться интересам социальной практики.

Одной из наиболее значимых проблем квалификации преступлений против личности выступает конкуренция уголовно-правовых норм. В данном случае одно противоправное деяние в отношении прав и свобод личности может не противоречить квалифицирующим признакам сразу нескольких статей раздела VII УК РФ. Как отмечает А.И. Рясов, можно выделить несколько важных разновидностей конкуренции уголовно-правовых норм, а именно: конкуренция общей и специальной нормы, а также конкуренция части и целого и по признакам объективной стороны. В первом случае совершенное виновным лицом деяние одновременно подпадает под действие общей и специальной нормы, что усложняет процедуру квалификации преступления. Вторая версия конкуренции уголовно-правовых норм определена ситуацией, при которой наличествует несколько норм, в разной степени содержащих квалифицирующие признаки противоправного деяния. При этом одна норма охватывает совершенное деяние в целом, а другая лишь отдельные его части².

В связи с этим, залогом правильной характеристики преступлений против личности при конкуренции уголовно-правовых норм является скрупулезный и полный анализ всех обстоятельств его совершения, что в

---

¹ Джинджолия Р.С. Преступления против личности с оценочными признаками: вопросы квалификации. М.: Русайнс, 2015. С. 76.

² Рясов А.И. Некоторые особенности квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм // Гуманитарные и юридические исследования. 2013. № 2. С. 66.

конечном результате предусматривает качественную и профессиональную работу сотрудника правоохранительных органов в каждом конкретном случае.

При всем разнообразии преступлений против личности наиболее важными являются проблемы квалификации деяний по ст. 105 УК РФ. Данное положение обосновывается тем, что они имеют самую наивысшую степень значимости, будучи направлены в отношении самой важной социальной ценности, которая является невосполнимой – человеческой жизни. Поэтому закономерен факт того, что внимание исследований, в первую очередь, сконцентрировано именно на указанном моменте проблемы.

В частности, К.А. Мельников указывает на наличие первостепенных проблем при квалификации деяний, нацеленных против жизни, а также при их разграничении с иными преступлениями. В частности, убийство объективно имеет некоторое сходство с другими действиями, при которых возникает (или может возникнуть) смерть человека, например, с оставлением человека в опасности. Вследствие чего, для правильной квалификации этих преступлений нужно четкое определение составных элементов их составов¹. Необходимо подчеркнуть, что эти преступления имеют различные объекты: оставление в опасности направлено против безопасности здоровья или жизни, в то время как объект убийства включает в себя собственно человеческую жизнь.

Существуют иные нюансы, связанные с разделением представленных преступных деяний по их объективной стороне. Во-первых, оставление в опасности представляется как неоказание помощи лицу при опасности или оставление места, где оно находится. Более того, при каких-то обстоятельствах эта часть состава преступления может быть отнесена к убийству. Имеется в виду преднамеренное применение обстоятельств для создания опасности и оставления в ней. В связи с чем, в этом варианте нужно

---

¹ Мельников К.А. Проблемы разграничения убийства со смежными видами преступлений // Постулат. 2017. № 5. С. 6.

твёрдо установить субъективную сторону совершенного противоправного действия, которая связана с наличием или отсутствием у совершившего этого деяние лица желания наступления последствия в виде смерти человека.

Вышеуказанное обстоятельство подтверждается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Так, согласно п. 3 Постановления важно установить грань между убийством и умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего. При этом главным разграничительным фактором становится субъективная сторона преступления¹.

На основе этого можно констатировать, что для правильной квалификации преступлений против личности нужно осуществлять тщательный анализ всех обстоятельств противоправного деяния, успешность которого во многом устанавливается степенью добросовестности осуществляющего ее лица.

Вместе с тем, по мнению многих исследователей, зачастую проблемы правоприменительной деятельности выражены несовершенством законодательной базы. Так, Н.П. Скачкова критикует п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в соответствии с которым «убийство, совершенное при квалифицирующих признаках, предусмотренных двумя и более пунктами ч. 2 ст.105 УК РФ, должно квалифицироваться по всем этим пунктам». С позиции исследователя, данная установка не соответствует принципу справедливости и влечет за собой двойное вменение лицу одного последствия².

Наибольшая эффективность деятельности государственных органов в определенном направлении является первостепенным ориентиром в

---

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. 1999. № 24.

² Скачкова Н.П. Проблемы квалификации некоторых преступлений против личности при конкуренции составов преступлений // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2012. № 1. С. 180.

сохранении социально-экономической стабильности, а также существенной движущей силой легитимации государственной власти. Можно с уверенностью полагать, что одним из условий неизменности и справедливости деятельности соответствующих правоохранительных органов является однозначность, четкость и непротиворечивость содержания нормативно-правовых актов, вследствие которых они осуществляют свою деятельность. В первую очередь, следует особый интерес обратить на описание объективных и субъективных признаков, которые характеризуют общественно-опасное деяние как определенный вид преступления.

Нормативно-правовую основу юридической деятельности по защите законных прав и интересов личности составляют положения раздела VII Уголовного Кодекса РФ. Они определяют четкие правовые рамки, отграничивающие преступления против личности от других их смежных видов. В науке прослеживается некоторое единство мнений по поводу трактовки тезиса «преступления против личности», которое подтверждает исследователь В.И. Толмосов. Согласно его мнению, принимая во внимание содержание УК РФ, в понятие «преступления против личности» следует ввести совокупность запрещенных законом противоправных деяний, которые ориентированы на нарушение базовых прав и свобод личности¹. Следует полностью согласиться с представленным выводом, поскольку он основывается на положениях действующего законодательства.

В Уголовном Кодексе РФ содержатся 63 статьи, которые предусматривают наказание за данный вид деяний. В системе преступлений против личности можно выделить пять групп преступлений:

- против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ);
- против свободы, чести и достоинства личности (гл. 17 УК РФ);
- против половой неприкосновенности и половой свободы личности (гл. 18 УК РФ);

---

¹ Толмосов В.И. Преступления против личности: курс лекций. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2009. С. 34.

- против конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 19 УК РФ);

- против семьи и несовершеннолетних (гл. 20 УК РФ)¹.

Преступления против жизни и здоровья в системе преступлений против личности занимают особое место и имеют особое значение в первую очередь из-за объекта уголовно-правовой охраны.

Первыми уголовным законом закреплены преступления против жизни. С объективной стороны преступления против жизни могут выражаться в форме как активных действий, так и бездействия. Все составы – материальные (ст. 110 УК «доведение до самоубийства» имеет материально формальный состав). Оконченными эти преступления признаются, когда имеется не только деяние (в форме действия или бездействия), но и последствие (в виде смерти человека) и причинная связь между ними.

С субъективной стороны все деяния – умышленные, за исключением одного: причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК).

Субъектом этой категории преступлений в основном является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Лишь за совершение простого и квалифицированного видов убийств (ч. 1, 2 ст. 105 УК) ответственность наступает с 14 лет.

Далее по структуре УК РФ выделяются преступления против здоровья. В литературе под преступлением против здоровья человека принято понимать виновно совершенное общественно опасное деяние, которое предусмотрено Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации и выражено в том, что происходит противоправное причинение повреждений или вызываются заболевания, патологические состояния, существенно ухудшающие функционирование организма человека².

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, а именно в главе 16 УК РФ, содержится перечень общих составов преступления, в

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Расторопов С. Понятие и система преступлений против здоровья по УК РФ 1996 г. // Уголовное право. М.: Интел-Синтез, 2017. № 4. С. 38.

которых в качестве объекта преступления понимается здоровье человека. Именно такой подход, с точки зрения правовых норм, является оптимальным, в связи с чем наиболее распространен в законодательстве многих зарубежных стран¹.

Согласно нормам действующего законодательства Российской Федерации, принято выделять следующие группы преступлений против здоровья человека:

- общие составы: умышленное причинение тяжкого, средней тяжести, легкого вреда здоровью, побои, истязание; причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности;

- привилегированные составы: причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление;

- специальные составы: заражение венерической болезнью, ВИЧ-инфекцией, незаконное проведение искусственного прерывания беременности, неоказание помощи больному, оставление в опасности.

Стоит обратить внимание, что применение в Уголовном кодексе Российской Федерации такого понятия как причинение вреда здоровью является обоснованным, поскольку, как показывает практика, такое понятие охватывает не только нарушение физической целостности тела человека, но также подразумевает причинение вреда психологическому состоянию человека и распространение особо опасных вирусных заболеваний. Фактически, под таким понятием как причинение вреда здоровью человека могут также подразумеваться разнообразные заболевания, отравления, расстройства психики, наркомания или токсикомания².

---

¹ Маршакова Н.Н. Проблемы классификации преступлений против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ) // Научные труды РАЮН. В 3-х т. М.: Юрист, 2016. Вып. 8. Т. 3. С. 305.

² Полякова О.В. Понятие и виды преступлений против здоровья и жизни человека в Российской Федерации // В сборнике: Образование и наука в современных реалиях. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2018. С. 404.

Кроме того, причинение вреда здоровью человека, согласно нормам действующего УК РФ, бывает трех различных категорий: тяжкий вред, вред средней тяжести и легкий вред здоровью. Определение степени тяжести нанесенного вреда здоровью человека относится к ведению судебно-медицинского эксперта, который на основании проведенной экспертизы оценивает уровень причиненного вреда здоровью человека. В реализации собственной деятельности судебно-медицинский эксперт руководствуется нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также сводом специальных правил.

Под объектом преступлений против здоровья принято понимать общественные отношения, которые обеспечивают безопасность здоровья человека. При этом, под здоровьем понимается так называемое естественное состояние организма, которое характеризуется отсутствием каких-либо болезненных изменений.

Объективная сторона причинения вреда здоровью может выражаться как в действии, так и в бездействии (например, неоказание помощи больному). Причинение вреда здоровью может отличаться по физическому, механическому или психическому воздействию на потерпевшего. Особенности места, времени, орудий или других используемых предметов для квалификации значения не имеют.

Субъект умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью – физическое, вменяемое лицо, достигшее 14-лет. За остальные преступления против здоровья ответственность наступает с 16 лет.

Субъективная сторона характеризуется как виной в форме умысла (ст. 111-117, 121, 122 УК РФ), так и неосторожности (ст. 118). Ряд составов содержит квалифицирующие признаки: мотив (ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 117 УК РФ) и цель (ч. 2 ст. 111 УК РФ).

Учитывая индивидуальную специфику составов преступлений, предусмотренных главой 16 УК РФ, более точным будет разделение на три самостоятельные подглавы: «Преступления против жизни человека»,

«Преступления против здоровья человека» и «Преступления, ставящие в опасность жизнь и здоровье человека».

Таким образом, вопросы формирования правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений против личности, всегда находились в центре внимания законодателя. В настоящее время при формировании исследовательского направления преступлений против личности доминирует тенденция, сформированная ныне действующим Уголовным кодексом, представившим виды рассматриваемой группы посягательств в главах УК РФ, среди которых первое место (в системе изложения) стали занимать преступления против жизни и здоровья.

Объекты уголовно-правовой охраны в виде жизни и здоровья имеют наиболее важное значение для определения места преступлений против жизни и здоровья в системе преступлений против личности. Эти категории неразрывно связаны с личностью человека, именно этим человек больше всего дорожит, их наличие позволяет ему продолжать жизненный путь, в том числе в здоровом состоянии. Именно поэтому законодатель определил защиту жизни и здоровья в качестве приоритетной. Тем не менее, следует разграничивать преступления против жизни и здоровья от преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье, несмотря на их включение в одну главу, поскольку при совершении последних не происходит непосредственного посягательства на жизнь и здоровье.

В связи с этим для целей исследования можно выделить следующие группы преступлений против жизни и здоровья в системе преступлений против личности:

1. Преступления против жизни:

- общий состав (ч. 1 ст. 105 УК РФ);
- квалифицированные проявления убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- привилегированные составы (ст. ст. 106, 107, 108 УК РФ);
- неосторожные формы (ст. 109 УК РФ);
- опосредованно реализованное (ст. ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ).

2. Преступления против здоровья:

- общие составы (ст. ст. 111, 112, 115, 116, 117, 118 УК РФ);
- привилегированные составы (ст. ст. 113, 114 УК РФ);
- специальные составы (ст. ст. 121, 122 УК РФ).

Представленный комплекс составов позволяет выделить несколько разнонаправленных действий преступника:

- в отношении физической целостности и жизни организма;
- в отношении психического воздействия, могущего повлечь смерть либо вред здоровью;
- причинение вреда путем распространения особо опасных заболеваний.

На основании представленного деления представляется возможным применить четкие критерии квалификации в зависимости от объекта посягательств и реализовать дифференцированный подход к назначению соответствующего наказания.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ

2.1. Актуальные вопросы квалификации простого убийства и его квалифицированных составов

Право каждого человека на жизнь, здоровье, свободу и неприкосновенность гарантируется и обеспечивается государством независимо от личностных особенностей. Уголовный закон выступает одним из инструментов государственной защиты личности. Обеспечение безопасности личности от преступных посягательств – приоритетное направление современной уголовно-правовой политики Российской Федерации, основанной на международном и конституционном признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина. При посягательстве на личность возникает необходимость точной и правильной юридической оценки деяния. Как показывает следственная и судебная практика, при квалификации деяний против личности возникает много вопросов, связанных как с юридической оценкой, так и с толкованием отдельных понятий, имеющих юридическое значение.

Квалификация преступлений является важной частью деятельности правоприменителя (дознавателя, следователя, прокурора, судьи) при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. Это отмечается и зарубежными исследователями¹. Необходимо отметить, что в уголовном законе не нашли отражения многие вопросы, связанные с квалификацией преступлений. Нет законодательных определений понятия квалификации, ее этапов. Не описан инструментарий, с помощью которого проводится

---

¹ Chorny O. Current issues of qualification and difference between the act of terrorism and sabotage // European Cooperation. 2017. V. 1. №. 20. P. 96 ; Eisenstein J.; Jacob H. Felony justice: an organizational analysis of criminal courts. Lanham: University Press of America, 1991. P. 212 ; Albonetti C.A. Criminality, prosecutorial screening, and uncertainty: toward a theory of discretionary decision making in felony case processings // Criminology. 1986. № 24. P. 630 ; Spohn C. Reflections on the Exercise of Prosecutorial Discretion 50 Years After Publication of The Challenge of Crime in a Free Society // Criminology & Public Policy. 2018. № 17. P. 323 ; Winter A.S., Clair M. Jurors' Subjective Experiences of Deliberations in Criminal Cases // Law & Social Inquiry. 2017. № 43. P. 1467.

юридическая оценка деяния. В связи с этим вопросы квалификации преступлений становятся предметом проведения научных исследований.

Анализ судебной практики показал, что квалификация преступлений, посягающих на жизнь, вызывает затруднения у практических работников. Так, Верховным Судом Российской Федерации постоянно рассматриваются дела, связанные с посягательством на жизнь. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» дает толкование оценочных категорий и разъясняет ряд вопросов по квалификации этого деяния. Однако большинство разъяснений по убийствам относится к так называемому убийству с квалифицирующими обстоятельствами. В то же время в статьях УК РФ описаны убийства со смягчающими обстоятельствами, не входящие в категорию особо тяжких преступлений. Конструкция данных составов содержит большое количество оценочных понятий, которые неоднозначно трактуются в правоприменительной практике, что вызывает различную квалификацию в одинаковых ситуациях. Кроме того, привлечение к уголовной ответственности по таким составам обусловлено рядом обстоятельств, представляющих затруднения в их установлении и юридической оценке. Ситуация осложняется тем, что высший судебный орган не уделил достаточного внимания этим составам в виде отдельного постановления, что позволило бы применять единый подход по некоторым вопросам юридической оценки подобных деяний. Тем не менее, существует судебная практика по конкретным делам данной категории.

Несмотря на то, что указанные составы классифицируются как убийства со смягчающими обстоятельствами (привилегированные), они обладают большой общественной опасностью, поскольку объектом таких преступлений выступает жизнь личности. В теории уголовного права под личностью понимается биосоциальная субстанция, которая характеризуется неразрывной связью, единством физиологической материи (тело человека) и социальной оболочки (общественные отношения). Это единство следует

понимать в том смысле, «что социальные признаки могут формироваться только на природной, биологической основе. В то же время общечеловеческие, природные черты личности не могут развиваться вне социальной действительности»¹. Биологическая составляющая понятия «личность» представляет собой собственно физиологическую оболочку, тело человека, без учета его психологических и физиологических особенностей. Другая же составляющая – социальная оболочка – нематериальная категория, в которой человек выступает субъектом отношений в различных социальных сферах. Именно поэтому с позиции уголовного права посягательство на физиологическую целостность организма человека или на социальную составляющую лица как носителя общественных отношений понимается как посягательство на личность. И если в других социальных отраслях лицо, страдающее психическим заболеванием, не будет пониматься как личность, то в случае совершения преступления, предусмотренного одной из норм раздела VII УК РФ, в отношении данного лица уголовное законодательство квалифицирует подобные действия как посягательство на личность.

Таким образом, уголовный закон понимает под личностью индивида любого человека, независимо от его умственных и морально-деловых качеств, имеющих определяющее значение, например, в социологии или психологии.

Исходя из такого понимания личности в уголовном законодательстве, рассмотрим некоторые проблемы, возникающие при квалификации убийства. В теории и практике уголовного права убийства делятся на три категории: простые, квалифицированные (с отягчающими обстоятельствами) и привилегированные (со смягчающими обстоятельствами). Так, по ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируется убийство, совершенное без отягчающих признаков, указанных в ч. 2 ст. 105 УК РФ, и без смягчающих обстоятельств, предусмотренных ст.ст. 106-108 УК РФ (например, в ссоре или драке при

---

¹ Донцов А.В. Похищение человека: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. С. 12.

отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникшим на почве личных отношений¹). В основном по ч. 1 ст. 105 УК РФ квалифицируются так называемые убийства на бытовой почве. Как следует из указанного постановления, Верховный Суд РФ привязывает простое убийство к различным мотивам. При этом каждый из перечисленных мотивов относится к оценочной категории, что представляет определенную сложность в их установлении. С точки зрения квалификации установление мотива убийства может привести к изменению квалификации. Так, убийство из хулиганских побуждений может быть завуалировано под мотив личных неприязненных отношений, а убийство с особой жестокостью или убийство женщины, которая сообщила виновному, что она беременна, – под мотив ревности. Вместе с тем ревность может вызвать наступление аффекта, в результате которого может произойти убийство. Поэтому правильное установление мотива убийства может привести к квалификации деяния как убийства либо с отягчающими обстоятельствами, либо со смягчающими.

Как показывает судебно-следственная практика, бытовая ревность большей частью основана на интимных отношениях супругов (партнеров). Чувство ревности обусловлено психологическими особенностями личности, оно может накапливаться длительное время. Момент совершения убийства может последовать, например, когда один из супругов застаёт другого при очевидной измене. Данное обстоятельство может повлечь мгновенную вспышку гнева, способного перерасти в состояние аффекта. Это может расцениваться как тяжкое оскорбление виновного. В этом случае даже при убийстве двух лиц, наличии особой жестокости, общеопасного способа, беременности женщины, квалификация не должна осуществляться по пп. «а», «г», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ. То же самое касается обстоятельств, которые обычно указывают на особую жестокость (причинение множества ранений,

---

¹ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 // Российская газета. 1999. № 24.

совершение убийства в присутствии близких родственников жертвы), если при совершении преступления у виновного было внезапно возникшее сильное душевное волнение. Однако при таких обстоятельствах мотивом будет не ревность, а месть за причинение тяжкого оскорбления. Если же факт измены не повлек состояния аффекта, убийство также совершается из мести за это оскорбление, а не из ревности, поэтому убийство при вышеуказанных обстоятельствах влечет ответственность по ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В практике встречаются случаи, когда лицо на почве ревности, мести или личных неприязненных отношений для совершения убийства нанимает исполнителя. По этому поводу в юридической литературе имеется точка зрения, согласно которой, если исполнитель помимо корыстного мотива испытывает неприязнь, ревность или руководствуется мотивом мести к лицу, убийство которого ему заказали, содеянное может оцениваться как простое убийство¹, с чем вряд ли можно согласиться. Получение убийцей вознаграждения за убийство вне зависимости от иных его мотивов должно квалифицироваться по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Как указывалось выше, мотивом ревности может вваливаться убийство из хулиганских побуждений. Здесь так называемая ревность может послужить для виновного основанием спровоцировать конфликт с потерпевшим, в результате которого происходит убийство. В этом случае при квалификации деяния необходимо тщательно выяснять мотив преступления. Например, если предполагаемый повод к ревности явно надуман и не находит объективного подтверждения, то убийство следует квалифицировать по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Таким образом, при квалификации простого убийства точное установление мотива преступления может привести к изменению юридической оценки деяния и вменению более тяжкого состава преступления.

Часто допускаются ошибки при установлении мотивационной сферы убийств с отягчающими обстоятельствами. Цель и мотив убийства, выступая

---

¹ Бояров С. Квалификация убийства из ревности // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 39.

дополнительными элементами субъективной стороны, влияют на характер и степень общественной опасности деяния. Недостаточное внимание к этим субъективным признакам, неточное их установление приводят к ошибкам при квалификации убийств. Практика показывает, что правоприменители совершают неправильное установление мотивационной сферы из-за разных причин¹. Одной из них является неполное установление фактических обстоятельств происшествия, дающих характеристику деянию и личности преступника. Например, суд признал, что С. совершил покушение на убийство М. из хулиганских побуждений, поскольку якобы действовал без определенной причины. Между тем по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ квалификация убийства следует, если при совершении преступления виновный проявлял явное неуважение к обществу, пренебрегал общепринятыми нормами морали, бросал своим поведением открытый вызов общественному порядку, чтобы показать презрительное отношение к окружающим. А предварительным следствием было установлено, что С. испытывал личную неприязнь к М. и хотел отомстить за смерть матери². В этой связи его действия должны были квалифицироваться по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Для правильной квалификации необходимо изучать и допреступное поведение виновного. Так, первоначально действия Н., убившего на улице ранее ему незнакомого С. были квалифицированы по п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В ходе следствия было установлено, что Н. и С. были ранее знакомы, находились в ссоре, и Н. обещал отомстить С. Мотив, которым руководствовался виновный, не образовывал отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ, что привело к переквалификации преступления на ч. 1 ст. 105 УК РФ³.

---

¹ Тенилова В.В. Причины ошибок, возникающих в практике следственных и судебных органов, при квалификации убийства в процессе установления мотивационной сферы содеянного // Российский следователь. 2009. № 12. С. 11.

² Судебная практика по уголовным делам / Сост. Г.А. Есаков. М.: Проспект, 2005. С. 632-633.

³ Там же. С. 640-641.

Встречаются ошибки в связи с неверным толкованием содержания мотивов и целей преступления, в частности по мотиву кровной мести. Так, уроженец Кавказа М. убил Х. за попытку изнасилования жены его друга. Действия М. были квалифицированы как убийство, совершенное по мотиву кровной мести, по п. «е¹» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹. Отметим, что изначально судом был неправильно установлен мотив кровной мести только на том основании, что все участники событий были выходцами с Кавказа. Президиум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил: «По смыслу закона убийство по мотиву кровной мести имеет место в том случае, когда виновное лицо, разделяющее и признающее этот обычай, лишает жизни потерпевшего, стремясь соблюсти его»². Исходя из этого, под мотивом кровной мести при убийстве понимается следование обычаю. Однако если лицо согласно обычаю убивает убийцу, то, как можно отграничить обычай кровной мести от убийства из мести, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ? Сложность заключается в том, чтобы виновный официально признал себя соблюдающим обычай кровной мести. В описанном примере убийство виновного в покушении на изнасилование подлежит квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ, потому что оно не связано с обычаем кровной мести: виновный М. должен был иметь право исполнения такого обычая (правила адата), и причинение смерти должно касаться какого-либо из родственников Х. Кровная месть потому и является отягчающим обстоятельством, что смерть причиняется любому из родственников лица, в отношении которого исполняется кровная месть. Если же смерть причиняется лицу, которое непосредственно совершило преступление (как в приведенном примере), то деяние квалифицируется как простое убийство из мести. Из-за того, что правоприменитель допустил ошибку в определении признака мотива кровной мести, произошла неправильная квалификация содеянного.

---

¹ Судебная практика по уголовным делам. С. 753.

² Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2007 № 299-П07 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_38716.htm (дата обращения: 18.10.2018).

Нередко причиной ошибок выступает недооценка необходимости доказывания мотива убийства. Так, действия К. были квалифицированы как простое убийство М. и покушение на убийство В. по признаку корыстного побуждения по найму. Суд посчитал, что квалифицирующий признак как мотив не подтвержден материалами уголовного дела, в связи с чем действия К. были переквалифицированы на совершение убийства и покушение на убийство без отягчающих обстоятельств¹. Полагаем, что такое решение необоснованно и не основано на законе. Поскольку в данной ситуации мотив выступает отягчающим обстоятельством, суд, исключая мотив, предъявленный обвинением, обязан был установить мотив, которым руководствовался виновный, совершая преступление. Только при достоверном установлении иного мотива, не являющегося отягчающим признаком, суд мог переквалифицировать деяние на менее тяжкое.

Вызывает сложность квалификация убийства, совершенного по мотиву особой жестокости. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что особая жестокость может указывать как на способ убийства, так и на другие обстоятельства, которые свидетельствуют о том, что виновный проявил особую жестокость. При этом для признания убийства, совершенного с особой жестокостью, необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью. Исходя из этого, отметим, что правильная квалификация зависит от достоверного установления субъективной стороны преступления.

Основные элементы субъективной стороны в виде прямого или косвенного умысла по отношению к совершению убийства не отражают характеристики особой жестокости. Умысел, с позиции субъективной стороны, определяется только по отношению к причинению смерти как таковому. Особая жестокость убийства – категория, которая содержит субъективно-объективные признаки преступления. Особая жестокость отражает, скорее, признаки характеристики личности субъекта, которые

---

¹ Судебная практика по уголовным делам. С. 889.

проявляются в способе совершения преступления, а не субъективную сторону преступления. Она может в определенных случаях присутствовать в цели убийства. Убийство с косвенным умыслом вряд ли может совершаться с особой жестокостью, только с прямым. Однако в понятии прямого умысла особая жестокость не является обязательным элементом: она входит в состав интеллектуального момента субъективной стороны, но в данном случае эта категория отражает личность преступника, которая находит свое выражение в способе совершения преступления. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» признак особой жестокости присутствует в тех случаях, когда убийство совершено способом, который заведомо для виновного связан с причинением потерпевшему особых страданий.

Следует заметить, что термин «заведомость» используется в конструкции составов преступлений Особенной части УК РФ только применительно к осознанию того обстоятельства, к которому оно непосредственно относится, и не характеризует субъективную сторону в целом. Применительно к особой жестокости при убийстве заведомость означает осознание виновным факта, что потерпевшему или его близким причиняются особые мучения и страдания.

Квалификация убийства с особой жестокостью возможна по различным мотивам: личной неприязни, корысти, хулиганских побуждений. Так, приговором Санкт-Петербургского городского суда К. признан виновным в совершении убийства В. в соисполнительстве с невменяемым З. по надуманному мотиву – исполнению культового обряда, связанного с завладением душой человека. Используя надуманный предлог, К. и З. привезли В. в лес и ввели ему в организм медицинский препарат с парализующим действием. Затем К. и З., используя специально приготовленный для исполнения обряда нож, произвели вырез участка кожи с шеи потерпевшего, после чего З. нанес В. тем же ножом не менее одного

удара в гортань, вслед за чем К. целиком отрезал потерпевшему голову¹. Пример демонстрирует, что убийство потерпевшего было совершено с особой жестокостью, мотивом убийства послужили хулиганские побуждения, т.е. пренебрежение к нормам общественной морали и нравственности.

При совершении убийства с особой жестокостью виновным может двигать такой мотив, как внутреннее побуждение причинить жертве особые мучения и страдания. О наличии подобного мотива могут свидетельствовать как признаки объективной стороны, так и иные обстоятельства дела. По мнению П. Константинова, такого мотива может и не быть. Если потерпевшему наносятся многочисленные удары длительное время в целях убийства, подобный мотив зачастую отсутствует. Но при осознании виновным, что этим причиняется потерпевшему особо мучительная боль, квалифицировать деяние необходимо как убийство с особой жестокостью². Отчасти можно согласиться с позицией ученого, поскольку при нанесении многочисленных повреждений потерпевшему в течение определенного времени, преступник объективно понимает, что этим ему причиняются мучения и страдания. С. Питерцев, напротив, считает, что «подобная квалификация может быть только в том случае, если преступник кроме лишения жизни преследовал иную цель – чтобы из-за таких повреждений жертва испытала особые мучения. О такой цели могут свидетельствовать повреждения, которые характерны для пытки или истязания»³.

Таким образом, установление внутренней характеристики личности преступника – особой жестокости – зависит от дополнительного признака субъективной стороны – цели, что, как было рассмотрено выше, представляет значительную сложность, поэтому при квалификации по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует отталкиваться от объективных признаков, способа

---

¹ Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2000 г. Дело № 2-309 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/sud_22912.htm (дата обращения: 18.10.2018).

² Константинов П. Субъективная сторона убийства с особой жестокостью // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 41.

³ Питерцев С. Оценка множественности ранений в посягательствах на жизнь // Советская юстиция. 1973. № 19. С. 19.

совершения убийства. Опора на субъективные признаки ведет к путанице в оценке таких действий и неоднозначной квалификации. Поскольку убийство – это умышленное причинение смерти, следовательно, и сам способ убийства объективно осознается виновным как причиняющий потерпевшему особые мучения и страдания. Подобный подход позволит доказать наличие признака особой жестокости убийства без обязательного доказывания элементов субъективной стороны, задача которой только в установлении прямого умысла.

Судебная практика по данному вопросу не содержит единообразной позиции. В некоторых ситуациях судами исключается признак особой жестокости на том основании, что, нанося многочисленные удары потерпевшему при убийстве, виновным преследуется только цель лишить его жизни, а не причинить особые мучения и страдания. Так, из обвинения Г., Л., П. и А. был исключен признак особой жестокости в убийстве, совершенном путем нанесения множества телесных повреждений потерпевшим, так как в суде не была доказана цель причинения жертвам особых мучений и страданий¹. Решение суда по исключению признака особой жестокости представляется спорным, поскольку лишение потерпевших жизни путем причинения им большого количества телесных повреждений объективно указывает на фактическое осознание виновными обстоятельств причинения особых мучений и страданий.

В большинстве случаев судебная практика при квалификации убийств, где способом выступает нанесение большого количества повреждений, вообще не рассматривает признак особой жестокости и квалифицирует деяния по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Так, Октябрьским районным судом г. Омска был осужден Е. за убийство из личных неприязненных отношений женщины-продавца по ч. 1 ст. 105 УК РФ, которой он нанес не менее 36 ударов ножом

---

¹ Архив Санкт-Петербургского городского суда за 1997 г. Дело № 2-334 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/sud_17887.htm (дата обращения: 18.10.2018).

по различным частям тела¹. Исходя из способа совершения преступления, полагаем, что данные действия можно было бы квалифицировать по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако суд в этих случаях пытается установить признак особой жестокости на основании признания самого виновного, что происходит весьма редко, и поэтому квалифицирует такие действия как простое убийство.

Тем не менее, есть и другие примеры. Так, Л. признан виновным в совершении преступления, предусмотренною п. «г» ст. 102 УК РСФСР (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), который, находясь в состоянии опьянения, во время ссоры со своей матерью нанес ей не менее 15 ударов кулаками и ногами по голове и туловищу. По мнению суда, характер телесных повреждений у потерпевшей свидетельствовал о желании подсудимого причинить ей особые страдания и мучения². В данном случае суд по делу Л. обоснованно признал убийство совершенным с особой жестокостью, так как виновный осознавал, что объективно причиняет потерпевшей своими действиями особые мучения и страдания.

Иные проблемы возникают при квалификации убийства, сопряженного с хищением либо вымогательством предметов, изъятых из гражданского оборота (такowymi являются ядерные материалы или радиоактивные вещества (ст. 221 УК РФ); оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства (ст. 226 УК РФ); наркотические средства или психотропные вещества (ст. 229 УК РФ)). Целью виновного является завладение этими предметами. Общее понятие хищения чужого имущества не совпадает с понятием хищения этих предметов. Кроме того, корыстная цель и корыстный мотив не выступают обязательными признаками субъективной стороны составов преступлений, закрепленных в ст.ст. 221, 226 и 229 УК РФ. Поэтому убийство, совершенное в результате хищения

---

¹ Архив Октябрьского районного суда г. Омска за 2004 г. Уголовное дело № 2956 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/sud_25455.htm (дата обращения: 18.10.2018).

² Архив Санкт-Петербургского городского суда за 1997 г. Дело № 2-232 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/sud_18113.htm (дата обращения: 18.10.2018).

перечисленных предметов, не следует квалифицировать по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст.ст. 221, 226 и 229 УК РФ.

Предлагаем квалифицировать убийство, сопряженное с корыстно-насильственным преступлением против личности и общественной безопасности, не применяя квалифицирующие признаки сопряжения с совершением каких-либо преступлений. Здесь следует исходить из цели и мотива и осуществлять квалификацию соответствующих составов по совокупности с п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (с целью облегчения совершения преступления либо его сокрытия) или с ч. 1 ст. 105 УК РФ (по мотиву мести за оказанное сопротивление). Полагаем, что такую позицию следует признать правильной, поскольку даже наличие корыстного мотива не имеет уголовно-правового значения при квалификации хищений либо вымогательства этих предметов, поэтому и вменение п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ при убийстве, сопряженном с совершением данных преступлений, выглядит нелогичным.

На практике возникают проблемы квалификации убийства, сопряженного с совершением других преступлений. Так, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ указано, что при квалификации действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство при похищении человека либо захвате заложника) ответственность наступает не только, если совершается убийство самого похищенного или заложника, но и умышленно причиняется смерть другим лицам из-за похищения человека либо захвата заложника. Квалификация в таком случае должна быть по совокупности со ст.ст. 126 или 206 УК РФ. Однако ч. 1 ст. 17 УК РФ признает идеальной совокупностью преступлений случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Таким образом, приведенное разъяснение вступает в противоречие с нормой уголовного закона и требует корректировки этого пункта постановления.

На подобном противоречии возникает проблема квалификации убийства, сопряженного с похищением человека. Данный состав является смежным с незаконным лишением свободы. Однако п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ не содержит такого отягчающего признака, как убийство, сопряженное с незаконным лишением свободы. В обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2002 г. говорится, что «действия лиц, направленные на убийство, если они были связаны с похищением или незаконным лишением свободы потерпевшего, полностью охватываются соответствующей статьей закона, предусматривающей ответственность за убийство, и не требуют дополнительной квалификации по ст.ст. 126 и 127 УК РФ»¹. Возникает закономерный вопрос, что считать соответствующей статьей закона, предусматривающей ответственность за убийство. Приведенная рекомендация Судебной коллегии, по сути, предлагает применение закона по аналогии, что является недопустимым. В этом случае квалификация должна быть по ст. 127 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (если целью было облегчить или скрыть незаконное лишение свободы) или по ст. 127 и ч. 1 ст. 105 УК РФ (по мотиву мести за оказанное сопротивление).

Учитывая, что закон не предусматривает такого отягчающего обстоятельства, как убийство, сопряженное с незаконным лишением свободы, в подобных случаях нельзя применять п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку это является нарушением закона и вышеприведенная квалификация наиболее соответствует букве закона. Аналогично следует квалифицировать убийство, совершенное при торговле людьми или при использовании рабского труда: по совокупности ст. 127¹ (ст. 127²) и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ или же по ст. 127¹ (ст. 127²) и ч. 1 ст. 105 УК РФ.

В связи с изложенным, заключаем, что при квалификации убийства, сопровождавшегося мотивом, имеющим уголовно-правовое значение, необходимо детально исследовать интеллектуальный и волевой элементы

---

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 8. С. 20.

субъективной стороны преступления, а также способ и обстановку совершения преступления, что далеко не всегда делается правоприменителями. Игнорирование вышеуказанных элементов влечет необоснованное вменение состава преступления, который не соответствует фактическим признакам совершенного деяния и может быть причиной судебной ошибки.

Мотив и цель имеют определяющее значение при квалификации убийства с отягчающими обстоятельствами, предусматривающими мотив и цель его совершения в качестве обязательного признака состава. Исключение этих признаков из совокупности юридически значимых фактов квалифицируемого деяния ведет к неправильной юридической оценке преступления.

2.2. Проблемы квалификации привилегированных убийств

Привилегированные убийства также вызывают не меньше вопросов относительно их квалификации. Так, ст. 106 УК РФ содержит ответственность за совершение убийства матерью новорожденного ребенка. Анализ редакции статьи показывает, что наступление уголовной ответственности обусловлено наличием следующих обязательных признаков:

- а) обстановки деяния: во время или сразу после родов; наличия психотравмирующей ситуации;
- б) субъективной стороны: в состоянии психического расстройства, которое не исключает вменяемости.

Фактически диспозиция ст. 106 УК РФ объединяет три самостоятельных состава преступления, что является сложным и для правоприменителя, и в плане дифференциации ответственности.

Каждый из этих признаков представляет собой оценочное понятие, которое является предметом конкретного факта. Возникает ряд вопросов, вызывающих сложность при их определении:

- время, в течение которого ребенок находится в состоянии новорожденности;
- продолжительность родов;
- психотравмирующая ситуация;
- что представляет собой психическое расстройство, не исключающее вменяемости;
- отграничение убийства матерью новорожденного ребенка от детоубийства, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В правоприменительной практике и уголовно-правовой литературе толкование оценочных признаков рассматриваемого состава преступления неоднозначно. Так, нет единого подхода в определении понятия «новорожденный», основного в этом составе. Поскольку данный признак характеризует объект преступления, то установление статуса потерпевшего выступает обязательным условием правильной квалификации деяния. Толковый словарь под словом новорожденный определяет ребенка не старше одного месяца¹. Акушеры полагают сроком новорожденности 1 неделю, педиатры – 1 месяц, а Всемирная организация здравоохранения – 10 дней².

Уголовно-правовая литература также не содержит однозначного ответа на этот вопрос. Одними авторами поддерживается педиатрический срок в 1 месяц³. Другими делается вывод, что новорожденность следует определять не временным промежутком, а физиологическим развитием ребенка⁴. Медиками отмечается, что новорожденные могут быть доношенные, недоношенные и переношенные. Здоровые доношенные младенцы по адаптации организма к жизни и становлению функций всех органов и систем наиболее совершенны⁵. Подобная несогласованность в определении временного периода новорожденности ребенка ведет к неоднозначному его пониманию правоприменителем, и некоторые ученые ставят вопрос о

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2010. С. 419.

² Судебная медицина: учебник для юридических вузов / под общ. ред. В.Н. Крюкова. М., 2008. С. 356.

³ Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 41.

⁴ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М. 2004. С. 40-41.

⁵ Краткая медицинская энциклопедия: в 3 т. / под ред. Б.В. Петровского. М., 1989. Т. 2. С. 250.

целесообразности использования этого оценочного понятия в диспозиции ст. 106 УК РФ¹. Такое мнение не лишено здравого смысла.

Поскольку существует необходимость установления критерия новорожденности как признака объекта, то целесообразно придерживаться критериев акушерства, т.е. срока новорожденности в 7 дней. Это позволит сократить срок действия привилегированного состава убийства.

Спорным является и понятие «во время родов», поскольку это не происходит одномоментно, а является сложным и длительным процессом. В связи с тем, что новорожденный ребенок должен быть уже родившимся, т.е. полностью отделиться от утробы матери и начать дышать или делать произвольные движения, возникает вопрос, как убийство совершается во время родов. Если теоретически это возможно, то практически представляется проблематичным, так как нельзя совершить убийство до начала жизни². В качестве примера приведем случай по раскрытию убийства новорожденного ребенка, труп которого был обнаружен в уличном общественном туалете. Как было впоследствии установлено, женщина умышленно родила младенца непосредственно в выгребную яму. Выйдя из матери, ребенок с высоты около 2 метров ударился о ледяное покрытие дна выгребной ямы. По заключению судмедэкспертизы, смерть наступила от падения тела с высоты.

Не родившийся ребенок не может быть потерпевшим от убийства, а если он родился, то этот период уже подпадает под понятие «сразу же после родов». Этот период должен предполагать незначительный временной отрезок, не должен исчисляться часами, а тем более сутками³. Такой признак объективно может основываться на данных судебно-медицинской экспертизы.

---

¹ Лысак Н.В. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Российский следователь. 2008. № 18. С. 17.

² Сердюк Л.В. Детоубийство: вопросы правовой оценки // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 44.

³ Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. С. 42.

Следующим фактором, оказывающим существенное влияние на квалификацию деяния, выступает психотравмирующая ситуация. Она должна содержать в себе объективный и субъективный критерии. В качестве условий психотравмирующей ситуации можно расценивать следующие обстоятельства:

- с ней имеет непосредственную причинную связь беременность, роды, социальные факторы и судьба матери и ребенка;

- ее оценка не должна ограничиваться только субъективным восприятием обвиняемой как психотравмирующей ситуации, необходимо также исходить из объективных данных;

- важно установление связи психотравмирующей ситуации и принятого решения о совершении убийства ребенка¹.

В педиатрии определяется период психотравмирующей ситуации равный 1 месяцу, в акушерстве – 1 неделе, а в судебной медицине – 1 суткам. Юристами либо вообще обходится стороной этот вопрос, либо толкуется неопределенным образом². Следует отметить, что психотравмирующую ситуацию не нужно отождествлять только с медицинским фактором. Это могут быть и социально-психологические аспекты. Во временном отрезке психотравмирующая ситуация может возникнуть в дородовой период. Например, после родов женщина может оказаться без жилья и средств к существованию. Психотравмирующая ситуация также является оценочным понятием, зависит от конкретной ситуации и устанавливается непосредственно правоприменителем. При определении психотравмирующей ситуации необходимо соблюдать два критерия: объективный и субъективный. В первую очередь, должен учитываться объективный критерий, что данная ситуация действительно создавала тяжелые, невыносимые условия для родившей женщины. Если объективный критерий отсутствует, то действия по убийству новорожденного следует

---

¹ Козлобаев В.А., Батманова О.Е. Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Российский следователь. 2011. № 23. С. 27.

² Сердюк Л. Детоубийство: вопросы правовой оценки. С. 44.

квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Субъективный критерий относится к психическому восприятию виновной психотравмирующих обстоятельств.

При квалификации преступления по ст. 106 УК РФ необходимо устанавливать признаки субъекта, одним из которых выступает вменяемость лица. Этот фактор имеет важное значение, поскольку нормальным отношениям свойственно, что мать защищает своего ребенка от неблагоприятного воздействия всеми возможными способами, даже ценой собственной жизни. Поэтому убийство матерью своего ребенка указывает на ненормальность отношений и вызывает вопрос о вменяемости виновной.

В статье 21 УК РФ закреплено, что лицо не привлекается к уголовной ответственности при наличии у него любого болезненного состояния психики, из-за которого оно не осознавало фактического характера и общественной опасности своих действий либо не могло руководить ими. В статье 106 УК РФ законодатель использует оценочное понятие психического расстройства, не исключающего вменяемости, способного возникнуть независимо от беременности и родов. Оно относится к внутреннему состоянию виновной. Определение этого состояния происходит на основе проведения комплексной психолого-психиатрической экспертизы, которая указывает, какое конкретно психическое заболевание послужило непосредственной причиной убийства ребенка. Так, следствием было установлено, что К. совершила убийство своей новорожденной дочери. Постановлением судьи областного суда К. была освобождена от уголовной ответственности с применением принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа. В кассационной жалобе потерпевший Б. просил постановление судьи отменить, заявив, что К. не является психически больным человеком и убийство дочери совершила сознательно. По результатам психолого-психиатрической экспертизы не было установлено конкретное заболевание, позволяющее судить о вменяемости К., поэтому

необходимо назначить повторную психолого-психиатрическую экспертизу. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила постановление судьи без изменения по следующим основаниям. Суд тщательно изучил вопрос о психическом состоянии К. Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза показала, что у К. органическое расстройство личности, она не осознает фактический характер своих действий, не понимает их общественную опасность и не может руководить ими. В связи с этим К. направили для принудительного лечения в специализированное психиатрическое учреждение. Основываясь на заключении экспертизы о том, что женщина не осознавала фактического характера и общественной опасности своих действий и не могла руководить ими в момент совершения запрещенного уголовным законом деяния в силу имеющегося у нее органического расстройства личности, суд обоснованно признал ее невменяемой и освободил от уголовной ответственности¹.

Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, отличается от невменяемости тем, что лицо не в полной мере отдает отчет о своих действиях (бездействии) либо не в полной мере может руководить своим поведением. Для того чтобы стало понятно, о чем идет речь, отметим, что психическое расстройство, не исключающее вменяемости, можно сравнить с состоянием аффекта. Только при аффекте движущей силой деяния, подавляющей волю виновного, выступает гнев, вызванный указанными в ст. 107 УК РФ аморальными действиями потерпевшего. В статье 106 УК РФ движущей силой, подавляющей волю женщины, выступают психоэмоциональные перегрузки, вызванные прошедшими родами. В этих обстоятельствах виновная осознает противоправный характер своих действий, но под влиянием негативных эмоций, отражающихся на психике, совершает убийство.

---

¹ Определение № 38-004-1 по делу Кривошеевой // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4. С. 20.

Практика показывает, что в большинстве случаев матери в момент убийства своих новорожденных детей не находились в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости¹. Именно поэтому возникает вопрос правильной квалификации, поскольку не любое убийство матерью новорожденного следует квалифицировать по ст. 106 УК РФ, а только при наличии вышерассмотренных условий. Отсутствие в деянии закрепленных в норме обстоятельств, относящихся к объективной стороне (во время или сразу же после родов) и к субъективной стороне (психическое расстройство, не исключающее вменяемости), а также психотравмирующей ситуации, содержащей элементы объективной и субъективной сторон, влечет квалификацию по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Особенностью ст. 106 УК РФ является то обстоятельство, что, помимо указанных условий наступления уголовной ответственности, состав этого преступления предусматривает ответственность специального субъекта – матери новорожденного ребенка. Специальный субъект обладает как общими, так и специфическими признаками. Особенность специального субъекта преступления, закрепленного в ст. 106 УК РФ, заключается в социально-правовом статусе – это мать новорожденного ребенка, которая имеет физиологическую, правовую и социальную связи с новорожденным ребенком, обладает правовой обязанностью оберегать его жизнь.

В настоящее время в уголовно-правовой литературе обсуждается вопрос о признании субъектом ст. 106 УК РФ суррогатной матери. В связи с этим возникает проблема определения понятия «мать», поскольку оно объединяет биосоциальные элементы. Устанавливая данный признак субъекта, мы исходим из того, что законодатель учел в качестве смягчающего обстоятельства именно физическое и психическое состояние женщины, родившей ребенка, поэтому суррогатная мать признается субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, при наличии условий, указанных в норме. Считаю такой подход правильным, поскольку

---

¹ Козлобаев В.А., Батманова О.Е. Указ. соч. С. 27.

любая женщина, будь то биологическая мать или суррогатная, фактически родившая этого ребенка, признается матерью. Поэтому если женщина, родившая ребенка, умышленно лишает его жизни, то она является субъектом этого преступления. Ее действия квалифицируются по привилегированному составу: учитывается, что во время родов она испытывала моральные и физические перегрузки, представляющие обстоятельство, смягчающее наказание.

В связи с этим целесообразно изменить формулировку ст. 106 УК РФ. В первую очередь необходимо добавить к ней примечание следующего содержания: «Под матерью в настоящей статье понимается биологическая мать ребенка либо женщина, выносившая и родившая его (суррогатная мать)». Во-вторых, следует убрать из статьи такие оценочные понятия, как «во время родов» в виду неопределенности этого периода, а также «психотравмирующая ситуация» и «состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости», которые можно учитывать как смягчающие обстоятельства вне рамок состава. Это исключит ошибки при привлечении к ответственности по ст. 106 УК РФ суррогатной матери, убившей новорожденного ребенка, и позволит избежать разночтений в толковании вышеуказанных оценочных понятий при квалификации данного преступления.

Женщина становится специальным субъектом преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ в силу совершения убийства новорожденного ребенка. При этом данный состав может вменяться только женщине, являющейся фактической матерью потерпевшего. На практике подобные преступления нередко совершаются в соучастии с иными лицами. Квалификация действий таких лиц проводится согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ, в которой говорится, что лицо, не выступающее субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК РФ, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его

организатора, подстрекателя или пособника. Но согласно ч. 1 ст. 34 УК РФ соучастники несут ответственность исходя из характера и степени своего фактического участия в совершении преступления. Так, если соучастник наряду с матерью был соисполнителем убийства новорожденного ребенка, то необоснованно квалифицировать его действия в соответствии с ч. 4 ст. 34 УК РФ. Кроме того, возникает проблема юридической оценки, когда этот соучастник добровольно и окончательно отказался от доведения преступления до конца. Действия такого соисполнителя квалифицируются со ссылкой на ст. 33 УК РФ. При добровольном отказе от совершения преступления для указанных видов соучастников установлены различные правовые последствия. Организатору и подстрекателю, чтобы избежать ответственности, необходимо своевременно сообщить о преступлении компетентным органам власти или предотвратить совершение исполнителем преступления. Пособнику достаточно просто предпринять все меры, которые от него зависят, для предотвращения совершения преступления. Фактически законодателем предлагается применять субъективный признак в юридической оценке действий соучастников по предпринимаемым мерам в воспрепятствовании преступлению. При этом отсутствует правильная квалификация его действий как соисполнителя преступления.

В научной литературе действия второго соучастника при убийстве новорожденного ребенка, совершенного в соучастии, предлагается квалифицировать самостоятельно, независимо от квалификации действий самой матери¹. Другая точка зрения заключается в том, что действия обоих соучастников следует квалифицировать по ст. 106 УК РФ². Квалификация данного деяния должна исходить из требований ч. 1 ст. 34 и ст. 33 УК РФ. Действия лица, совершившего убийство новорожденного ребенка в соучастии с матерью, выполнявшего вместе с ней объективную сторону

---

¹ Аветисян С. Проблемы соучастия в преступлении со специальным субъектом (специальным составом) // Уголовное право. 2004. № 1. С. 5.

² Карлов В.П. Проблемы квалификации при убийстве матерью новорожденного ребенка, совершенным в соучастии с другим лицом // Российский следователь. 2011. № 7. С. 20.

состава преступления, нужно оценивать, исходя из непосредственности участия в совершении преступления, совместности действий, а также общего умысла. Умысел в этом случае следует оценивать по общим правилам о соучастии, определенным статьями 32 и 33 УК РФ.

В случае совершения убийства матерью новорожденного ребенка с привлечением соучастника смягчающие обстоятельства, предусмотренные в ст. 106 УК РФ, не могут учитываться при квалификации. Соучастие в убийстве как признак объективной стороны изменяет субъективную сторону деяния. В такой ситуации возникает общий умысел на причинение смерти потерпевшему и единое стремление к достижению цели. Субъективная сторона находит выражение в объединении физических усилий или распределении ролей исполнения убийства. Сам факт соучастия изменяет субъективное отношение виновной (матери) к факту убийства. Оно уже не может быть таким, каким было при единоличном совершении деяния. «Умысел исполнителя при соучастии шире, чем у преступника, действующего в одиночку, его сознанием охватывается не только факт участия в преступлении другого лица, но и его намерения. И если, зная об этих намерениях, усугубляющих оценку деяния со стороны закона, исполнитель все же совершает преступление, то к нему предъявляются повышенные требования в рамках объема его вины»¹. В этом случае убийство новорожденного из «вынужденного», совершенного под воздействием обстоятельств, указанных в ст. 106 УК РФ, превращается в деяние с заранее обдуманым умыслом. Такое качественное изменение субъективной стороны утяжеляет ее. Убийство, совершенное в соучастии, меняет правовой статус матери как субъекта привилегированного состава преступления. Деяние совершается уже не под воздействием негативных обстоятельств, указанных в ст. 106 УК РФ, поэтому оно выходит за пределы этого состава преступления, образуя качественно новые объективные и субъективные признаки.

---

¹ Якушин В.А., Каштанов К.Ш. Вина как основа субъективного вменения. Ульяновск, 1997. С. 63.

Таким образом, квалификация деяния должна исходить из субъективно-объективного критерия, который учитывает изменение статуса специального субъекта – матери – при совершении убийства в соучастии. В этом случае сам групповой способ совершения преступления меняет и квалификацию действий соучастников преступления, поскольку предполагает предварительный сговор на совершение умышленных действий, распределение роли исполнителей и достижение единой цели. При таких условиях нельзя говорить о том, что убийство произошло при наличии смягчающих факторов, указанных в ст. 106 УК РФ. Ответственность соучастников при подобных обстоятельствах должна наступать на общих основаниях, поскольку эти юридически значимые факторы отягчают уголовную ответственность, в связи с чем необходимо применять общую норму, устанавливающую ответственность за убийство, которое совершено группой лиц или группой лиц по предварительному сговору.

Следовательно, если мать совершает убийство новорожденного в соисполнительстве с другим лицом, то их действия квалифицируются по отягчающим признакам, предусмотренным пп. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как в этом случае мать утрачивает признаки специального субъекта. При определенных условиях может вменяться и п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство с особой жестокостью, например, новорожденного выбрасывают в мусорный бак в холодное время года, где он умирает). Такая квалификация соответствует положениям Общей части УК РФ, которые имеют руководящее значение при применении норм Особенной части УК РФ¹.

Много вопросов на практике вызывает квалификация убийства, совершенного в состоянии аффекта. Сложность представляет именно установление самого состояния аффекта, который выступает движущей силой деяния и смягчающим обстоятельством. Многие практические работники понимают состояние аффекта как временное расстройство психики, в результате которого виновный не осознает характера

---

¹ Карлов В.П. Указ. соч. С. 21.

совершаемых действий. В психологии и психиатрии выделяют несколько разновидностей аффекта: физиологический (классический и кумулятивный), аномальный (физиологический аффект на патологической почве), патологический аффект на фоне алкогольного опьянения. С юридической точки зрения аффект, по смыслу ст.ст. 107, 113 УК РФ, охватывает все виды аффектов, не исключая вменяемости, кроме патологического аффекта, образующего медицинский критерий невменяемости.

Внезапность аффективного импульса к действию, направленному на источник раздражения, прежде всего, предполагает психическое состояние субъекта. Аффект во многом имеет зависимость от психологических особенностей человека. Он является процессом переживания, сопровождаемым резким повышением эмоциональной напряженности, которая заканчивается аффективным взрывом. Однако этот процесс может проходить и волнообразно, усиливаться в определенный момент из-за вновь нахлынувших воспоминаний о насилии, при осознании нового смысла оскорбления, при повторном взаимодействии с элементами подобной конфликтной ситуации, которые травмировали субъекта. В таком случае аффективный взрыв может иметь «отставленный» характер¹.

Убийство в состоянии аффекта можно совершить только посредством активных действий, так как для погашения аффекта необходимо осуществить разрядку действием, направленным на подавление источника аффектированного состояния². Обязательным является наличие причинно-следственной связи между виновными действиями и противоправным или аморальным поведением жертвы. Для установления убийства в состоянии аффекта важно определение факультативных признаков объективной стороны: времени, места, обстановки, способа, орудий и средств совершения преступления. Особенность состоит в том, что орудием убийства выступает любой предмет, подобранный на месте. Если орудие готовится заранее, то

---

¹ Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. С. 97.

² Портнов И. Особенности аффектированного умысла // Социалистическая законность. 1979. № 6. С. 26.

говорить о состоянии аффекта нельзя. В этом состоянии виновный сразу реагирует на возникший негативный раздражитель и использует первое, что попало под руку.

Виновный должен действовать при убийстве столько времени, сколько длится состояние аффекта. В связи с этим важным является установление момента возникновения аффекта и его окончания¹. Убийца в таком состоянии в большинстве случаев немедленно реагирует на противоправное или аморальное поведение жертвы, то есть нет разрыва во времени от аффектированного умысла на убийство до момента причинения смерти. Тем не менее, виновный может совершить убийство по истечении небольшого промежутка времени после того, как возникла психотравмирующая ситуация, вызвавшая аффект. Но в течение этого периода убийца должен находиться в состоянии сильного душевного волнения.

Аффективная реакция проявляется различным образом, что обуславливается самой ситуацией, тяжестью провокации, личностными качествами преступника. Поэтому нельзя установить единый для всех случаев промежуток времени от повода до ответной реакции².

Показателем возникновения и продолжения аффекта может служить то, что виновный поглощен и захвачен своими действиями, которые направлены на предмет обиды, выполняет непрерывные движения, имеющие лихорадочный и одержимый характер. Поэтому аффективные действия исключают признаки, которые присущи стадии приготовления к совершению преступления.

Аффективное состояние может возникнуть и спустя длительный промежуток времени, прошедший с момента отрицательного поведения потерпевшего по отношению к виновному. В данном случае это тоже будет отставленный аффект. В критической ситуации может не произойти разрядка

---

¹ Глушенко И.П. Преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта // В сборнике: Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения. Сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2018. С. 52.

² Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта. М., 1983. С. 21.

в действиях виновного. Но негативная эмоциональная реакция способна надолго оставлять глубокие следы в сознании. Возникновение аффективной реакции могут спровоцировать воспоминания о перенесенной глубокой обиде, например, при виде человека, который ранее причинил виновному тяжкие страдания. К примеру, на глазах у отца был совершен наезд на сына по вине водителя, в результате которого ребенок погиб. Гнев пробуждает в отце состояние аффекта, при котором он пытается убить водителя, но тот убегает. Сохранив надолго в сознании образ водителя, причинившего смерть его ребенку, отец встречает через какое-то время своего «врага». Память моментально выдает прошедшие события, связанные с потерей ребенка, горечью невозможной утраты, чем вызывается аффективное состояние. В гневе отцом совершается убийство водителя, и квалификация данного деяния должна быть по ст. 107 УК РФ, так как аффект в этой ситуации причинно обусловлен совершением потерпевшим противозаконных действий.

Суды не часто учитывают состояние аффекта при квалификации убийства, поскольку сложно объективно определить внутреннее состояние виновного в момент совершения деяния. Практически любое посягательство на жизнь, здоровье, честь и достоинство личности рождает чувство гнева, которое вызывает ответную реакцию в отношении обидчика в виде определенных действий. В подобной ситуации имеет место сильное душевное волнение, близкое к уголовно-правовому пониманию аффекта. Отличие заключается в том, что в большинстве случаев после того, как гнев нашел выход, например при нанесении побоев обидчику, дальнейшие действия прекращаются, и лицо волевым усилием вновь контролирует свои эмоции. В данном примере представлен аффект, контролируемый субъектом, когда выплеск эмоций человека не выходит за пределы волевого контроля. При уголовно-правовом аффекте лицо теряет управление эмоциями, что побуждает его к осуществлению одного умысла – убийству обидчика. В этой ситуации виновный осознает общественную опасность своих действий, предвидит наступление общественно опасных последствий и желает их

наступления. Особенностью субъективной стороны здесь является то, что движущей силой действий виновного выступает эмоция гнева, которая подавляет волю и не позволяет субъекту в полной мере контролировать свое поведение.

Таким образом, при квалификации привилегированных убийств проблемы и ошибки правоприменителей возникают в связи с неоднозначностью оценочных понятий, используемых в уголовном законе, в частности, таких как «во время родов», «психотравмирующая ситуация», «состояние психического расстройства, не исключающего вменяемости», что требует их исключения из диспозиции статьи. При квалификации убийства матерью новорожденного ребенка в соучастии с другим лицом, необходимо исходить из того, что в этом случае изменяется ее субъективное отношение к совершенному деянию, и она должна терять статус специального субъекта. Кроме того, при квалификации убийства в состоянии аффекта необходимо устанавливать наличие причинно-следственной связи между виновными действиями и противоправным или аморальным поведением жертвы, а также факультативные признаки времени, места, обстановки, способа, орудий и средств совершения преступления.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ

Определение тяжести вреда здоровью – задача, часто решаемая сотрудниками правоохранительных органов и судебно-медицинскими экспертами. Анализ положений уголовного закона, устанавливающих ответственность за такие преступления, показывает, что в нем продолжают содержаться смысловые ошибки и несоответствия некоторых уголовно-правовых позиций фундаментальным положениям медицинской науки, а также отсутствует ряд необходимых понятий. Установление тяжести вреда здоровью проводится на основании Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека¹. Вред, который причиняется здоровью человека, нарушает анатомическую целостность и физиологическую функцию человеческих органов и тканей, когда на них воздействуют физические, химические, биологические и психические факторы внешней среды. В пункте 3 Правил закреплено, что вред, причиненный здоровью человека, определяется в зависимости от степени его тяжести (тяжкий, средней тяжести и легкий) согласно квалифицирующим признакам и медицинским критериям² (далее – Медицинские критерии).

При оценке степени тяжести вреда здоровью необходимо учитывать не только момент нанесения повреждения, но и процесс его развития. Если не учитывать это обстоятельство, то наступление более тяжелых последствий в результате естественного течения процесса, причиненного повреждениями, нельзя было бы отнести к тяжкому вреду здоровью. Например, лицу был причинен вред здоровью средней тяжести в результате нанесения удара ножом. Несвоевременное оказание помощи привело к тому, что естественное развитие процесса травмы повлекло наступление некроза селезенки, которую

---

¹ Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : Постановление Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 № 522 // СЗ РФ. 27 августа 2007. № 35. ст. 4308

² Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194н // Российская газета. 2008. 5 сентября.

пришлось удалить. В данном случае наступил тяжкий вред здоровью по признаку потери органа, несмотря на то, что изначально был причинен вред здоровью средней тяжести. Действия виновного будут квалифицироваться по фактически наступившим последствиям (ч. 1 ст. 111 УК РФ).

Одним из основных признаков причинения тяжкого вреда здоровью признается его опасность для жизни человека, которая по своему характеру непосредственно угрожает жизни, а также вред, в результате которого развивается угрожающее жизни состояние. Если смертельный исход был предотвращен медицинскими специалистами, то все равно оценка вреда здоровью, являющегося опасным для жизни, не изменяется, поэтому, независимо от фактически наступивших последствий, повреждения должны быть квалифицированы как тяжкие, поскольку они создавали опасность для жизни при их причинении. Установление опасности для жизни должно производиться судебно-медицинскими экспертами. При причинении вреда, опасного для жизни, может и не нарушаться анатомическая целостность организма, если происходит использование радиоактивных веществ, спрятанных в помещении, где находится потерпевший. Сюда же относятся биологическое или токсинное оружие, либо введение человека в длительное гипнотическое или замещенное (зомбированное) сознание¹.

В статье 111 УК РФ указан такой признак причинения тяжкого вреда здоровью, как потеря какого-либо органа или утрата органом его функций. Пункты 6.3-6.6 Медицинских критериев определения тяжести вреда здоровью включают полный список органов, при утрате которых либо прекращении их функций следует признавать тяжкий вред. К ним относятся утрата конечностей, половых органов, органов речи, слуха и зрения; потеря руки или ноги, т.е. отделение их от туловища или стойкая утрата ими функций (паралич или иное состояние, исключающее их функции); потеря кисти или стопы приравнивается к потере руки или ноги (п. 6.6.1). Потеря

---

¹ Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 2000. Т. 2: Особенная часть. С. 72.

зрения – полная стойкая слепота на оба глаза или такое необратимое состояние, когда в результате травмы, отравления либо иного внешнего воздействия у человека возникло ухудшение зрения, соответствующее остроте зрения, равной 0,04 и ниже. Потеря зрения на один глаз оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности. Посттравматическое удаление одного глазного яблока, обладавшего зрением до травмы, также оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности. Определение степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в результате потери слепого глаза проводится по признаку длительности расстройства здоровья (п. 6.3). Потеря слуха – полная стойкая глухота на оба уха или такое необратимое состояние, когда человек не слышит на расстоянии 3-5 см от ушной раковины. Потеря слуха на одно ухо оценивается по признаку стойкой утраты общей трудоспособности (п. 6.5). При определении тяжести вреда здоровью по признаку потери зрения или слуха не учитывают возможности улучшения зрения или слуха с помощью медико-технических средств (корректирующие очки, слуховые аппараты и т.п.). Потеря речи – необратимая потеря способности выражать мысли членораздельными звуками, понятными для окружающих (п. 6.4).

К тяжкому вреду также относят:

1) прерывание беременности независимо от срока с развитием выкидыша или внутриутробной гибелью плода, преждевременными родами. Прерывание беременности должно находиться в прямой причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью. Если оно было обусловлено иными причинами, например физиологической болезнью матери или патологией развития плода, которые имелись до причинения вреда здоровью, то данные последствия нельзя рассматривать как тяжкий вред здоровью. Однако если в результате причиненных повреждений возникла необходимость прерывания беременности для спасения жизни матери, то такое прерывание беременности оценивается как тяжкий вред здоровью (п. 6.7);

2) психическое расстройство, возникновение которого должно находиться в прямой причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью (п. 6.8). Законодатель не указывает, какие конкретно должны наступить психические расстройства, поэтому, исходя из буквального толкования закона, любое психическое заболевание следует признавать тяжким вредом здоровью (например, травматическая эпилепсия, травматическое слабоумие и т.д.). Судебно-медицинская экспертиза не относит к признакам тяжкого вреда здоровью временное расстройство нервной системы, поскольку оно не считается психическим заболеванием. Наличие психического расстройства устанавливается судебно-психиатрической экспертизой. Оценка тяжести вреда здоровью при психических расстройствах у потерпевших проводится на основе юридического и медицинского критериев¹. Медицинский критерий представляет совокупность психических расстройств экзогенной природы (травматические, психогенные, интоксикационные), имеющую прямую причинно-следственную связь с причиненной потерпевшему травмой. Юридический критерий оценки вреда здоровью исходит из понятий стойкой утраты трудоспособности и длительности расстройства здоровья. Заключение о вреде здоровью при психических расстройствах должно выноситься с учетом комплексной клинико-функциональной и прогностической оценки состояния потерпевшего комиссией с участием судебно-медицинского эксперта, врача психиатра и психолога.

В.В. Векленко и М.И. Галюкова предлагают использование следующего алгоритма определения тяжести вреда здоровью при психических расстройствах:

1. Установление факта применения физического или психического насилия к потерпевшему.
2. Установление наличия у потерпевшего психического расстройства, определение его клинико-функциональных характеристик

---

¹ Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших. М., 1990. С. 133.

(характер и тяжесть расстройства; характер нарушения функций организма, вызванного данным расстройством; особенности течения, стойкости или обратимости психопатологических проявлений; клинический, реабилитационный прогноз).

3. Установление причинно-следственной связи между фактом применения насилия и возникшим психическим расстройством.

4. Установление степени тяжести вреда.

Для установления степени тяжести вреда здоровью в случае обострения хронического психического расстройства необходима дополнительная сравнительная оценка состояния здоровья потерпевшего до и после применения насилия с обязательным учетом прогноза исследуемого расстройства, а также установление факта, что именно данное насилие повлекло изменение состояния потерпевшего¹.

Пункт 6.9 Медицинских критериев относит к признакам тяжкого вреда здоровью заболевание наркоманией либо токсикоманией. При этом законодатель не дает определения указанных заболеваний. Наличие последствий устанавливается на основании заключения судебно-психиатрической экспертизы с участием в качестве экспертов психиатра, нарколога, токсиколога. Заболевание наркоманией и токсикоманией будет признано тяжким вредом здоровью независимо от их тяжести, продолжительности и излечимости.

Следующий признак тяжкого вреда здоровью – неизгладимое обезображивание лица – характеризуется тем, что лицу потерпевшего в результате причиненной травмы придается вид, который не соответствует естественным эстетическим признакам внешнего облика человека. Неизгладимость обезображивания лица – термин юридический, а не медицинский. Под неизгладимым обезображиванием лица принято понимать такое повреждение лица, которое не может быть исправлено обычными

---

¹ Векленко В., Галюкова М. Психическое расстройство как признак причинения вреда здоровью // Уголовное право. 2005. № 2. С. 23.

методами лечения и требует хирургического вмешательства или медицинского протезирования (п. 6.10). В соответствии с Медицинскими критериями задача судебно-медицинской экспертизы состоит в установлении тяжести причиненного повреждения, его медицинских последствий, возможности восстановления поврежденных частей лица естественным образом по истечении определенного времени. На основании заключения судебно-медицинской экспертизы только суд устанавливает степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, по признакам неизгладимости обезображивания лица. При решении этого вопроса суд исходит из общепринятых эстетических представлений о человеческом облике и, как правило, оценивает как неизгладимое обезображивание повреждения, при которых лицо потерпевшего приобретает отталкивающий, неприятный вид. Признание данного факта не зависит от пола, возраста, профессии и других индивидуальных особенностей потерпевшего. Давая оценку неизгладимого обезображивания лица потерпевшего, суды обычно руководствуются заключением судебно-медицинской экспертизы о неизгладимости повреждения. Это неверный подход, поскольку установление такого признака является прерогативой суда. Задача суда – на основании заключения судебно-медицинской экспертизы о неизгладимости повреждения определить, обусловило ли это повреждение обезображивание лица. Суд обязан обосновать свое решение, руководствуясь не только заключением судебно-медицинской экспертизы, но и морально-эстетическими нормами, а также установить прямую причинно-следственную связь причиненного повреждения и неизгладимого обезображивания лица.

Признак значительности в УК РФ законодателем не установлен. В Медицинских критериях определения тяжести вреда здоровью его также нет. Значительность – оценочный признак, он определяется в каждом конкретном случае на основе анализа всех обстоятельств причинения вреда здоровью. Под общей трудоспособностью понимается совокупность врожденных и

приобретенных способностей человека к действию, направленному на получение результата в виде определенного продукта, изделия или услуги. Стойкая утрата общей трудоспособности устанавливается на основании таблицы, прилагаемой к Медицинским критериям определения тяжести вреда здоровью. Она содержит критерии стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин в процентах, кратных пяти (п. 21). В соответствии с п. 6.11 Медицинских критериев тяжким вредом здоровью признается значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть (стойкая утрата общей трудоспособности свыше 30%). Пункт 19 к этому критерию относит и длительное расстройство здоровья на срок свыше 120 дней. Стойкость утраты трудоспособности устанавливается по окончании лечения полученной травмы в соответствии с таблицей процентов утраты трудоспособности.

К признакам тяжкого вреда здоровью относится также полная утрата профессиональной трудоспособности. Понятие профессиональной трудоспособности дано в п. 6.12 Медицинских критериев. Она связана с возможностью выполнения определенного объема и качества работы по конкретной профессии (специальности), которая является основной трудовой деятельностью потерпевшего. Степень утраты профессиональной трудоспособности определяется врачебно-трудовыми экспертными комиссиями в соответствии со специальными Правилами¹. Полной утратой профессиональной трудоспособности признается посттравматическое состояние потерпевшего, в результате которого потерпевший не может выполнять работу по основной своей специальности. При этом не учитывается то обстоятельство, что он может выполнять другую работу, не связанную с основной специальностью. Если потерпевший имеет несколько профессий, то судмедэкспертиза должна определить факт утраты основной

---

¹ Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : Постановление Правительства Российской Федерации от 16.10.2000 № 789 // Российская газета. 2000. 31 октября 2012.

специальности. Основной будет признана профессия, на которую указывает сам потерпевший. При отсутствии мнения потерпевшего о том, какая профессия у него основная, рекомендуется признавать ею ту, по которой имеется наиболее продолжительный стаж работы либо ту, в которой достигнута наивысшая квалификация. Должен учитываться и факт, что потерпевший обучался определенной специальности. Если вред здоровью причинен в период прохождения обучения, то степень утраты профессиональной трудоспособности устанавливается применительно к той профессии, которой обучался потерпевший. Судебно-медицинская экспертиза должна учитывать выраженность нарушений тех функций организма, при помощи которых осуществлялась профессиональная деятельность, а также их влияние на возможность выполнения профессиональной деятельности. Статья 111 УК РФ указывает, что при квалификации действий виновного по данному признаку необходимо устанавливать волевой момент субъективной стороны, т.е. желание виновного полностью лишить потерпевшего профессиональной трудоспособности. На это обращает внимание содержащееся в законе указание на заведомость для виновного таких последствий. Виновный должен знать о наличии у потерпевшего определенной профессии и, причиняя вред здоровью, осознавать, что травма лишит потерпевшего возможности выполнять свои профессиональные обязанности. В случае отсутствия у виновного заведомости на причинение указанных последствий его действия могут быть квалифицированы по данной статье, но уже при наличии других признаков тяжкого вреда здоровью (например, утрата органа) либо по другим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за иное причинение вреда здоровью¹.

Таким образом, при квалификации действий виновного по ст. 111 УК РФ правоприменителю следует учитывать не только заключение судебно-

---

¹ Гудимов Л.С. Уголовно-правовая характеристика умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью человека: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 123-124.

медицинской экспертизы, но при определенных обстоятельствах и иные факторы: нравственно-эстетические, бытовые, дополнительные элементы субъективной стороны. В некоторых случаях отсутствие таких признаков может указывать не на причинение тяжкого вреда здоровью, а на менее тяжкий вред, например вред здоровью средней тяжести.

Конструкция ст. 112 УК РФ является отсылочной, в ней вред здоровью средней тяжести описывается двумя признаками:

- негативный признак – если вред, причиненный здоровью, не опасен для жизни и не привел к последствиям, указанным в ст. 111 УК РФ;
- позитивный признак – если вред, причиненный здоровью, привел к длительному расстройству здоровья (к непосредственно связанным с повреждением последствиям)¹.

Медицинскими критериями квалифицирующих признаков такого вреда здоровью являются: временное нарушение функций органов и (или) систем (временная нетрудоспособность) продолжительностью свыше трех недель (более 21 дня) (п. 7.1); значительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на одну треть – стойкая утрата общей трудоспособности от 10 до 30% включительно (п. 7.2). Например, причинение вреда средней тяжести может выражаться в потере большого пальца руки, нарушении функции стопы, анкилозе (неподвижности) левого плечевого сустава, нарушении функции позвоночника легкой степени, удалении части почки и т.д.

Легкий вред здоровью характеризуется следующими Медицинскими критериями:

- кратковременное расстройство здоровья, т.е. временное нарушение функций органов и (или) систем сроком до 3 недель;
- незначительная стойкая утрата общей трудоспособности менее чем на 10%.

---

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. С. 56.

Поверхностные повреждения, в том числе ссадины, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, являются повреждениями, не причинившими вреда здоровью человека, и квалифицируются как побои (ст. 116 УК РФ). Все обстоятельства, связанные с причинением вреда здоровью, устанавливаются на основе заключения судебно-медицинской экспертизы.

Диспозиции ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ, предусматривающие ответственность за причинение различной степени тяжести вреда здоровью потерпевшего, относятся к разряду бланкетных. Для толкования их оценочных признаков и применения уголовно-правовой нормы необходимо обращаться к другому нормативному акту или документу иной отраслевой принадлежности. Медицинские критерии и Правила 2007 г., определяющие медицинскую характеристику признаков степеней тяжести вреда здоровью, представляют бланкетное содержание диспозиций указанных статей УК РФ. Исходя из этого, данные документы, используемые при проведении судебно-медицинской экспертизы и даче заключения, по существу, опосредованно влияют на квалификацию соответствующих преступлений¹. Отметим, что в практической деятельности заключение судебно-медицинской экспертизы объективно выступает определяющим фактором, влияющим на квалификацию преступления, связанного с причинением вреда здоровью. В такой ситуации судебно-медицинский эксперт объективно создает условия, непосредственно влияющие на квалификацию деяния. Как показывает судебная практика, правоприменители не исследуют данного вопроса, и, по сути, юридическая оценка деяния отдана на усмотрение судебно-медицинского эксперта, что порой приводит к злоупотреблениям с его стороны.

---

¹ Шарапов Р. Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека и обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2009. № 1. С. 55, 57.

При квалификации преступлений данной категории решающее значение имеет судебно-медицинская экспертиза. Именно по этой причине квалификация подобных преступлений представляет в некотором роде отложенный во времени процесс. Это связано с ожиданием момента окончания излечения потерпевшего и в последующем проведении судебно-медицинской экспертизы. Указанный фактор ведет к тому, что за это время могут теряться некоторые из вышерассмотренных обстоятельств, поэтому их следует устанавливать и закреплять до получения заключения судебно-медицинского эксперта. Кроме того, правоприменитель должен жестко контролировать этот процесс, сверять заключение судебно-медицинской экспертизы с фактическими обстоятельствами дела, в случае необходимости проконсультироваться с другим специалистом и при проведении юридической оценки причинения тяжести вреда здоровью потерпевшего учитывать, наряду с заключением судебно-медицинской экспертизы, другие факторы, влияющие на квалификацию. На сегодняшний день это правило игнорируется и в основу обвинения кладется только заключение судебно-медицинской экспертизы, что приводит к намеренным или неумышленным ошибкам в квалификации деяния.

Среди насильственных преступлений против личности выделяется состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 111 УК РФ, поскольку он выступает своего рода пограничным деянием в посягательствах на здоровье и жизнь. Именно поэтому в практической деятельности часто возникает необходимость отграничения убийства от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего. Эти преступления по признакам состава преступления почти одинаковы, что позволяет искусственно корректировать статистику по убийствам. Так, в большинстве случаев если смерть потерпевшего не наступила на месте преступления, а спустя некоторое время, то, как правило, деяние квалифицируется по ч. 4 ст. 111 УК РФ, что не всегда правильно.

В пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указано, что при отграничении этих составов преступлений направленность умысла следует определять по способу и орудию преступления, количеству, характеру и локализации телесных повреждений, а также предшествующему преступлению и последующему поведению виновного и потерпевшего, их взаимоотношениям.

Субъективная сторона тяжкого вреда здоровью характеризуется двойной формой вины: умысел по отношению к причинению тяжкого вреда здоровью и неосторожность по отношению к смерти. Волевой момент – это желание, чтобы наступил тяжкий вред здоровью потерпевшего, которое может выступать в качестве конечной цели. Если установлен умысел лица на причинение тяжкого вреда здоровью, но фактически наступает менее тяжкий вред, вменяется покушение на тяжкий вред здоровью по направленности умысла. Субъективная сторона играет роль основного элемента, по которому проводится отграничение умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, от убийства. Для правильного решения этого вопроса необходимо выяснять субъективное отношение виновного к действиям. Однако данное обстоятельство на практике установить не всегда просто. В оптимальных вариантах объективно о субъективном могут сказать действия виновного. Например, если виновный причинил тяжкий вред потерпевшему и осознает, что он еще жив, имеет реальную возможность причинить смерть, но не делает этого, то тогда необходимо вменять ч. 4 ст. 111 УК РФ, если впоследствии наступила смерть потерпевшего.

Зачастую неправильная квалификация деяний происходит из-за позиции правоприменителя о том, что наступление смерти потерпевшего на месте происшествия вне зависимости от причиненного вреда является убийством. При наступлении смерти от тяжкого вреда здоровью по прошествии некоторого времени, деяние следует квалифицировать по ч. 4 ст.

111 УК РФ¹. С позиции правил квалификации нельзя давать юридическую оценку этому деянию, исходя из фактического момента наступления смерти потерпевшего. И при умысле на убийство смерть потерпевшего может произойти с разрывом во времени. Например, лицо причинило тяжкий вред здоровью потерпевшего, в результате которого он впал в бессознательное состояние. Виновный, посчитав, что достиг цели, не доводит убийство до конца. Однако, если впоследствии потерпевший скончался в больнице в связи с полученными повреждениями, квалификация деяния должна быть как убийство. Если же умысел виновного был направлен на причинение вреда здоровью, и с этой целью наносит удар ножом не в жизненно важный орган, в результате чего смерть наступает на месте от кровопотери, действия нужно квалифицировать по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Разрыва во времени в данном случае нет, и смерть наступает немедленно. В подобных ситуациях правильная квалификация деяния зависит от ряда объективных обстоятельств. Так, умысел на убийство необходимо связывать с характером телесных повреждений, в какие органы они наносятся. Следует также выяснять, сознавал ли виновный, что причиняемые повреждения несовместимы с жизнью потерпевшего.

При квалификации по ст. 111 УК РФ причинение смерти не охватывается умыслом виновного, но, причиняя тяжкий вред здоровью, он предвидит, что она может наступить и безосновательно самонадеянно рассчитывает на ее предотвращение либо не предвидит, но по обстоятельствам дела должен был и мог предвидеть возможность наступления смерти. К примеру, Г. был осужден за то, что умышленно причинил тяжкий вред здоровью Р., повлекший ее смерть. Г. в ходе ссоры нанес жене удар ножом в область бедра, вызвавший острую кровопотерю. Вышестоящая судебная инстанция переквалифицировала деяние с ч. 4 ст. 111 на ст. 109 УК РФ. Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте

---

¹ Боженок С.А. Квалификация преступлений против личности: учебное пособие. М.: ООО «Перспектив», 2019. С. 34.

поставил вопрос об отмене постановления Президиума областного суда, протест был удовлетворен и отмечено следующее. Переквалифицировав действия Г. с ч. 4 ст. 111 на ст. 109 УК РФ Президиум областного суда в своем постановлении указал, что Г. не предвидел смерти потерпевшей¹. Локализация повреждения и количество ударов свидетельствуют о том, что виновный не стремился причинить смерть потерпевшей, но, действуя таким образом, должен был и мог предвидеть данные последствия. Из приведенного примера видно, что Президиум дал неверную оценку действиям Г. Даже если он наносил удар ножом, не желая причинения тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшей, объективно Г. осознавал возможность наступления тяжких последствий, не желал, но сознательно допускал или относился безразлично, т.е. в любом случае он действовал с прямым или косвенным умыслом, направленным на причинение вреда здоровью. Исходя из обстоятельств дела, формулируем вывод, что смерть потерпевшей не охватывалась умыслом виновного, но он должен был и мог ее предвидеть. Налицо неосторожная форма вины в виде преступной небрежности. То есть, если лицо, причиняя вред потерпевшему, не стремится к конкретному результату, то действия квалифицируются по фактически наступившим последствиям, что было правильно сделано судом первой инстанции.

Отграничение убийства от причинения тяжкого вреда здоровью человека и причинения смерти по неосторожности проводится только по субъективной стороне. Однако именно установление данного элемента состава преступления представляет наибольшую сложность, поскольку весьма непросто определить психическое отношение виновного к совершенному деянию. В связи с тем, что в ч. 4 ст. 111 УК РФ отношение к смерти неосторожное, следует определить его вид. При преступной небрежности необходимо выяснить, способствовали ли обстоятельства преступления тому, что виновный должен был и мог предвидеть наступление

---

¹ Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / сост. С.В. Бородин. И.И. Иванова; под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 102.

смерти потерпевшего от его действий. Устанавливая неосторожное отношение виновного к смерти потерпевшего в виде легкомыслия, следует учитывать, на какие обстоятельства он рассчитывал, чтобы предотвратить смерть потерпевшего. Так, П., поругавшись с женой, принял решение убить сына и выкинул зимой ребенка практически без одежды в мусоросборник вниз головой. Умысел на убийство не был доведен до конца, поскольку ребенка нашли и вовремя оказали медицинскую помощь. По характеру повреждений, исходя из показаний виновного и потерпевшей, суд решил доказанным умысел на убийство ребенка¹.

При таких условиях очевидно, что нет каких-либо факторов, на которые мог бы рассчитывать виновный, чтобы предотвратить наступление смерти ребенка. Наоборот, все обстоятельства свидетельствовали о том, что должен наступить желаемый П. результат – смерть потерпевшего. На это объективно указывают следующие факты: беспомощность потерпевшего, отсутствие одежды при низкой температуре, падение с высоты вниз головой. Не наступившее последствие в виде смерти относится к казусу, а не к закономерности, поэтому суд правильно квалифицировал действия виновного как покушение на убийство. В этом случае все объективные данные указывали на субъективную сторону – прямой умысел на убийство. Иная квалификация здесь просто невозможна, поскольку п. 2 приведенного ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняет, что покушение на убийство может быть совершено лишь с прямым умыслом.

Сложным является осуществление квалификации тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть, когда последствия наступают от единичного удара кулаком с большой силой в жизненно важный орган. Так, к уголовной ответственности был привлечен чемпион мира по смешанным единоборствам М., который ударил студента А. От полученного повреждения потерпевший через несколько дней умер в больнице. Изначально действия М. квалифицировались по ч. 4 ст. 111 УК РФ. У следствия возникла проблема с

---

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 2. С. 15.

квалификацией деяния: были варианты квалификации смерти по неосторожности и даже побоев. Суд на основании заключения судмедэкспертизы квалифицировал действия М. по ч. 1 ст. 109 УК РФ. Данное решение суда представляется небесспорным, поскольку имеется прямая причинно-следственная связь между действием и наступившими последствиями. Исходя из фактических обстоятельств дела, представляется, что первоначальная квалификация действий М. по ч. 4 ст. 111 УК РФ была правильной.

В другом примере С. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ за то, что в ссоре ударил один раз Я. кулаком по голове, от чего она практически сразу скончалась. При пересмотре дела С. заявил, что не мог предвидеть смерть Я. от одного удара. Вышестоящая судебная инстанция изменила квалификацию его деяния на ч. 4 ст. 111 УК РФ. Суд указал, что в деле отсутствуют данные, опровергающие доводы С. Судебно-медицинская экспертиза показала, что нанесенная травма в случае жизни Я. относилась бы к тяжкому вреду здоровью, и при своевременном медицинском вмешательстве ее смерти удалось бы избежать. В связи с этим в приговоре суда первой инстанции было указано, что С., ударив Я. в голову, который привел ее в беспомощное состояние, не оказал ей помощи. Однако само умышленное причинение вреда здоровью потерпевшего, в результате которого он стал беспомощным, не налагает на виновного обязанность заботы о нем. В этом случае оказание помощи рассматривается как смягчающее обстоятельство. Тем более, что само неоказание помощи потерпевшей не может свидетельствовать об умысле на убийство. Каких-либо данных, указывающих на наличие у С. умысла на убийство Я., в приговоре не приведено¹. В подобной ситуации Президиум Верховного Суда РФ правильно квалифицировал действия виновного по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Сравнивая приведенные примеры судебной практики по почти идентичным ситуациям, можно сделать вывод, что в первом случае суд не

---

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 9. С. 10.

смог объективно оценить ситуацию и правильно квалифицировать действия М. Исходя из обстоятельств происшествия, следует признать, что действия М. также подпадают под признаки ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Наиболее сложную проблему квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ представляют случаи, когда тяжкий вред потерпевшему причиняется несколькими лицами. Нередко возникает практически неразрешимый вопрос: чьи действия повлекли наступление смерти? Не установление данного признака нарушает принцип индивидуализации уголовной ответственности и дифференциации наказания. Судебная практика идет по пути вменения наступивших последствий всем участникам преступления. В противном случае, ответственность за наступление смерти в результате причинения группой лиц не нес бы никто.

Отягчающее обстоятельство, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ, – совершение деяния группой лиц, аналогично признаку, закрепленному в п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Так, вышестоящим судом был отменен приговор в отношении Ч. по ч. 5 ст. 33, п.п. «д», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Суд указал, что в ходе убийства Т. Ч. выполнял активную роль: наносил удары потерпевшему, подавляя его сопротивление, и держал его за руку, не давая защититься от ударов ножом, которые наносил Р., второй соучастник убийства. Убийство было признано совершенным группой лиц, в котором Ч. подавлял сопротивление потерпевшего в процессе лишения жизни Т., а Р. непосредственно причинял смерть¹. В связи с этим суд правильно квалифицировал действия данных лиц как соисполнителей убийства.

Однако иногда судебная практика в аналогичных случаях принимает противоположные решения. Это обусловлено тем, что при групповом преступлении необходимо устанавливать причинную связь и объем вины соучастников². К примеру, в результате ссоры С. и Б. стали избивать ранее незнакомого М. После того, как он упал, С. продолжил его бить кулаками и

---

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 6. С. 14.

² Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. СПб., 2004. С. 102.

ногами, а Б. – доской по голове. Хотя М. была оказана медицинская помощь, он в больнице скончался. Первоначально действия С. и Б. были квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ с признаком «группа лиц». Согласно заключению судебно-медицинского эксперта, смерть М. наступила от закрытой черепно-мозговой травмы с тяжелым ушибом головного мозга от ударов тупым твердым предметом (предметами), что не характерно для ударов кулаком или ногой¹.

Суд переквалифицировал действия С. с ч. 4 ст. 111 на п. «а» ч. 2 ст. 116 УК РФ, а из квалификации действий Б. по ч. 4 ст. 111 УК РФ исключил признак «группа лиц». При такой квалификации был утрачен признак соисполнительства в преступлении, что говорит о неправильной квалификации. В данном случае речь не идет и об эксцессе исполнителя, поскольку его действия прямо указывают на единый умысел причинения тяжкого вреда здоровью. Но суд решил, что раз удары доской по голове наносил только Б., причинение смерти вменялось только ему. Такая квалификация представляется неправильной, ведь здесь прослеживается взаимодействие соучастников и их направленность на общий результат.

Фактически судом была применена теория непосредственной причины, которая заключается в том, что причина наступления результата видится только в последнем, непосредственном и ближайшем к последствию действии. В таком случае, если один из соучастников лишь удерживал потерпевшего или нанес ему удар в лицо, от которого потерпевший потерял сознание, другой непосредственно причинил смерть, то, исходя из данной теории, первого соучастника можно привлекать либо за пособничество в убийстве, либо за побори. Это не соответствует фактическим обстоятельствам причинения смерти, и такая квалификация не отражает соучастия в деянии в виде соисполнительства.

В ситуациях, когда вред здоровью причиняется в соисполнительстве, нельзя квалификацию основывать на непосредственной причине,

---

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 2. С. 8.

установленной по результатам экспертизы. При фактическом наступлении тяжкого вреда здоровью из-за умышленных совместных действий двух или более лиц, ответственность для всех соучастников должна быть по фактически наступившим последствиям. Независимо от того, чьи конкретно действия привели к наступлению смерти, квалификация за последствия проводится в одинаковой степени для всех соучастников. Если отступать от этого правила, то в таком случае теряется смысл понятия «эксцесс исполнителя» (ст. 36 УК РФ). Зачем рассматривать эксцесс исполнителя, если квалификация действий соучастников при едином умысле, направленном на достижение общей цели, будет проводиться только по результатам конкретных действий каждого соучастника?

При квалификации таких деяний следует исходить из того, что механизм причинения вреда не определяет в целом объективной стороны состава преступления. В приведенном примере заключение эксперта указывает на конкретную причину смерти потерпевшего, но оно не раскрывает объективной стороны состава в целом, которая содержит в себе действие в виде причинения вреда здоровью, совершенного группой лиц. Таким образом, первоначальная квалификация действий С. и Б. по ч. 4 ст. 111 УК РФ была правильной, так как субъективная и объективная стороны показывают их умышленные действия с объединением усилий для достижения одной цели.

Однако не всегда последствия одинаково предполагаются и предвидятся всеми соучастниками. Тем не менее, действуя совместно, они осознают общественную опасность своих действий, предвидят возможность наступления любых последствий, но сознательно их допускают или относятся к ним безразлично, т.е. действуют с косвенным умыслом.

Даже если виновные действовали спонтанно, то характер их действий не исключает прямого или косвенного умысла. В пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже или разбое» отмечено, что исходя из смысла ч. 2 ст. 35 УК РФ

уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительному сговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники в соответствии с распределением ролей совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления, содеянное ими является соисполнительством и в силу ч. 2 ст. 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по ст. 33 УК РФ¹.

В вышеприведенном примере, суд переквалифицировал действия С. на побои. Их особенность заключается в том, что лицо, наносящее побои, не может предвидеть конкретный результат своих действий. Он может быть различным в диапазоне от побоев до причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть. Именно поэтому квалификация проводится по фактически наступившим последствиям. Однако объективную сторону таких деяний определяют не только последствия, но и способ совершения преступления.

Существует и еще одна проблема, связанная с квалификацией преступления, когда оно совершается в соисполнительстве с лицом, не подлежащим уголовной ответственности. Следует ли в таком случае вменять субъекту квалифицирующий признак «группа лиц»? В теории и практике уголовного законодательства наблюдается неоднозначный подход к этому вопросу. Общеизвестно, что соучастниками считаются только субъекты, осуществляющие совместную умышленную преступную деятельность, которая и создает соучастие. Но, по идее, «не субъект» не осознает значение своих действий и, следовательно, не может соучаствовать. Тем не менее, «группа лиц» не должна рассматриваться только как элемент института соучастия. Этот признак может относиться и к объективной стороне, в

---

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 // Российская газета. 2003. 18 января.

частности, характеристике способа совершения преступления, и являться квалифицирующим обстоятельством, что также влияет на квалификацию.

Групповой способ относится к объективной характеристике преступления, а не субъективной. Важно иметь в виду, что отождествление понятий «физическое лицо» и «субъект преступления» проводить нельзя, так как именно из-за этого возникают проблемы с квалификацией. Если считать их неравнозначными понятиями, то вполне оправдано вменение квалифицирующего признака «группа лиц» и при соисполнительстве с «не субъектом». В соответствии со ст. 19 УК РФ понятие субъекта состоит из таких трех элементов, как лицо: физическое, вменяемое, достигшее возраста, установленного УК РФ. В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющих подобные вопросы, о субъектах ничего не говорится, а упоминается только физическое лицо. Исходя из этого, Верховный Суд РФ осудил П. по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ, который вместе с невменяемым Б. совершил убийство Д. При совершении преступления П. удерживал Д., а Б. выполнял указания П. и бил потерпевшего ножом. Суд подчеркнул, что такая квалификация наступает независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости¹. Несмотря на то, что второе лицо признано невменяемым, Верховный Суд РФ правильно квалифицировал действия субъекта, поскольку в законе сказано о совершении преступления группой лиц, т.е. отмечен только физический признак субъекта. Соучастия в этом случае нет, но в действиях субъекта присутствует групповой способ убийства, который выступает квалифицирующим обстоятельством. Данный пример является самостоятельным видом уголовной ответственности, наступающей в результате совершения преступления субъектом в соисполнительстве с «не субъектом».

Изучая следственную практику группового посягательства против личности и не принимая во внимание положения теории соучастия в

---

¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 4. С. 18.

обоснование повышенной ответственности субъекта, мы пришли к следующим заключениям:

- объективно посягательство в отношении потерпевшего совершают более одного лица, и он субъективно адекватно воспринимает происходящее.

- субъективно лицо, выступающее субъектом и привлекающее для совершения преступления «не субъекта», понимает, что преступление совершается совместно, и рассчитывает на оказание помощи и содействия от «не субъекта».

Исходя из этого, при совершении совместного умышленного преступления субъектом и «не субъектом» его юридическую оценку не следует осуществлять исходя из теории соучастия. Квалифицировать преступление необходимо с отягчающим признаком «группа лиц», характеризующим способ совершения преступления.

Таким образом, при квалификации преступлений против здоровья правоприменителям следует сверять заключение судебно-медицинской экспертизы с фактическими обстоятельствами дела, в случае необходимости проконсультироваться с другим специалистом и при проведении юридической оценки причинения тяжести вреда здоровью потерпевшего учитывать, наряду с заключением судебно-медицинской экспертизы, другие факторы, влияющие на квалификацию, что позволит избежать ошибки при ее осуществлении. При разграничении убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, нельзя давать юридическую оценку этого деяния, исходя из фактического момента наступления смерти потерпевшего, поскольку при умысле на убийство смерть потерпевшего может произойти с разрывом во времени. В подобных ситуациях правильная квалификация деяния зависит от ряда объективных обстоятельств. Так, умысел на убийство необходимо связывать с характером телесных повреждений, в какие органы они наносятся. Следует также выяснять, сознавал ли виновный, что причиняемые повреждения несовместимы с жизнью потерпевшего.

В ситуациях, когда вред здоровью причиняется в соисполнительстве, нельзя квалификацию основывать на непосредственной причине, установленной по результатам экспертизы. При фактическом наступлении тяжкого вреда здоровью из-за умышленных совместных действий двух или более лиц, ответственность для всех соучастников должна быть по фактически наступившим последствиям. Если же преступление совершается совместным субъектом и «не субъектом», то его юридическую оценку не следует осуществлять исходя из теории соучастия. Квалифицировать преступление необходимо с отягчающим признаком «группа лиц», характеризующим способ совершения преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы и предложения.

1. Анализ механизма охраны жизни и здоровья человека позволяет отметить неоднозначные подходы к законодательному оформлению уголовно-правовых запретов и наказаний, предусмотренных за их нарушение. В процессе эволюции государственности наметились основополагающие принципы уголовно-правовой политики, предусматривающие законодательную регламентацию составов преступлений и мер уголовно-правового характера. Государственная политика России по противодействию посягательствам на жизнь и здоровье предусматривала поэтапную законодательную детализацию составов насильственных преступлений, связанных с убийством, доведением до самоубийства или склонением к нему, причинением увечий, оставлением человека в опасности и неоказании помощи погибающему и т.д.

2. Законодательное оформление преступлений против жизни и здоровья наметилось с появлением Русской Правды. Одной из ключевых предпосылок зарождения насильственной преступности в России являются возникшие в условиях становления отечественной государственности социально-экономические и политико-правовые противоречия в обществе, детерминированные конфликтом личных и имущественных интересов, разрешаемых преимущественно путем осуществления посягательств на жизнь и здоровье человека. Их законодательная регламентация осуществлялась исходя из дифференциации степени причиненного общественного вреда и предусматривала применение различных видов уголовного наказания: «потока и разграбления», лишения свободы, телесных и членовредительских наказаний и уголовного штрафа. Избрание меры государственного принуждения осужденному лицу в отдельных случаях определялось его социальным статусом. В период сословно-

представительной монархии произошла дифференциация ответственности за убийство в зависимости от объекта посягательства. Артикул воинский 1715 г. к преступлениям против жизни и здоровья причислял различные виды убийства: родителей, офицера, новорожденного ребенка, самоубийство, убийство по неосторожности, нанесение вреда здоровью и побои. Убийство каралось смертной казнью в различных ее вариациях. Свод законов Российской империи 1832 г. содержал самостоятельный раздел – «О смертоубийстве умышленном», в котором дополнительной регламентации подлежали преступления против жизни и здоровья человека и виды наказаний, предусмотренные за их совершение. А Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. впервые разграничило преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц.

3. Закрепление понимания убийства в первом советском уголовном законе 1922 г. имело свои особенности. В первую очередь, это был единственный кодекс, в котором, хотя и недолгое время, убийство из чувства сострадания не предусматривало мер ответственности. Во-вторых, ст. 142 УК РСФСР включала в себя 6 квалифицированных признаков убийства. В-третьих, УК РСФСР включал в себя привилегированные составы убийства. В-четвертых, кодекс разграничивал убийство по неосторожности, а также изменял отношение законодателя к самоубийству. Дифференциация преступлений, причиняющих телесные повреждения, или с насилием над личностью происходила по степени тяжести, форме вины и обстоятельствам совершения деяний. В отличие от УК РСФСР 1922 г., в УК РСФСР 1926 г. законодатель не стал разграничивать преступления в зависимости от видового объекта, и все преступные деяния, посягавшие на жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности были помещены в одноименную главу. Новый кодекс не только содержал до этого не предусматривавшиеся составы и виды наказания, но и увеличивал сроки лишения свободы за совершение тяжких умышленных преступлений. В дальнейшем законодатель стал подменять положения уголовного закона принятием подзаконных

нормативных актов. Происходившие во второй половине 1950-х гг. процессы либерализации и гуманизации общественной жизни выступили основанием для изменения уголовного законодательства для придания ему менее репрессивного характера. В связи с этим в 1960 г. был принят новый УК РСФСР. Несмотря на заявления властей о необходимости принятия более гуманного уголовного закона, наказания за совершение практически всех преступлений против жизни и здоровья по сравнению с УК РСФСР 1926 г. были скорректированы, но не в меньшую, а в большую сторону. Тем не менее, УК РСФСР 1960 г. оказался более стабильным, чем предыдущие кодексы.

3. В системе преступлений против личности выделяются следующие группы преступлений против жизни и здоровья:

- Преступления против жизни: общий состав (ч. 1 ст. 105 УК РФ); квалифицированные проявления убийства (ч. 2 ст. 105 УК РФ); привилегированные составы (ст. ст. 106, 107, 108 УК РФ); неосторожные формы (ст. 109 УК РФ); опосредованно реализованное (ст. ст. 110, 110.1, 110.2 УК РФ).

- Преступления против здоровья: общие составы (ст. ст. 111, 112, 115, 116, 117, 118 УК РФ); привилегированные составы (ст. ст. 113, 114 УК РФ); специальные составы (ст. ст. 121, 122 УК РФ).

Представленный комплекс составов позволяет выделить несколько разнонаправленных действий преступника: в отношении физической целостности и жизни организма; в отношении психического воздействия, могущего повлечь смерть либо вред здоровью; причинение вреда путем распространения особо опасных заболеваний.

На основании подобного деления возможно применить четкие критерии квалификации в зависимости от объекта посягательств и реализовать дифференцированный подход к назначению соответствующего наказания.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» дает толкование оценочных категорий и разъясняет ряд вопросов по квалификации убийства. Однако большинство разъяснений по убийствам относится к так называемому убийству с квалифицирующими обстоятельствами. В то же время в статьях УК РФ описаны убийства со смягчающими обстоятельствами, не входящие в категорию особо тяжких преступлений. Конструкция данных составов содержит большое количество оценочных понятий, которые неоднозначно трактуются в правоприменительной практике, что вызывает различную квалификацию в одинаковых ситуациях. Кроме того, привлечение к уголовной ответственности по таким составам обусловлено рядом обстоятельств, представляющих затруднения в их установлении и юридической оценке. Ситуация осложняется тем, что высший судебный орган не уделил достаточного внимания этим составам в виде отдельного постановления, что позволило бы применять единый подход по некоторым вопросам юридической оценки подобных деяний.

5. На практике возникают проблемы квалификации убийства, сопряженного с совершением других преступлений. Так, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ указано, что при квалификации действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство при похищении человека либо захвате заложника) ответственность наступает не только, если совершается убийство самого похищенного или заложника, но и умышленно причиняется смерть другим лицам из-за похищения человека либо захвата заложника. Квалификация в таком случае должна быть по совокупности со ст.ст. 126 или 206 УК РФ. Однако ч. 1 ст. 17 УК РФ признает идеальной совокупностью преступлений случаи, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Таким образом, приведенное разъяснение вступает в противоречие с нормой уголовного закона и требует корректировки этого пункта постановления.

6. Учитывая, что закон не предусматривает такого отягчающего обстоятельства, как убийство, сопряженное с незаконным лишением свободы, в подобных случаях нельзя применять п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку это является нарушением закона. В этом случае квалификация должна быть по ст. 127 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ (если целью было облегчить или скрыть незаконное лишение свободы) или по ст. 127 и ч. 1 ст. 105 УК РФ (по мотиву мести за оказанное сопротивление), что наиболее соответствует букве закона. Аналогично следует квалифицировать убийство, совершенное при торговле людьми или при использовании рабского труда: по совокупности ст. 127¹ (ст. 127²) и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ или же по ст. 127¹ (ст. 127²) и ч. 1 ст. 105 УК РФ.

7. В правоприменительной практике и уголовно-правовой литературе толкование оценочных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, неоднозначно. Так, нет единого подхода в определении понятия «новорожденный», основного в этом составе. Данный признак характеризует объект преступления, и установление статуса потерпевшего выступает обязательным условием правильной квалификации деяния. Поскольку существует необходимость установления критерия новорожденности как признака объекта, то целесообразно придерживаться критериев акушерства, т.е. срока новорожденности в 7 дней. Это позволит сократить срок действия привилегированного состава убийства.

8. Диспозиции ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ, предусматривающие ответственность за причинение различной степени тяжести вреда здоровью потерпевшего, относятся к разряду бланкетных. Для толкования их оценочных признаков и применения уголовно-правовой нормы необходимо обращаться к другому нормативному акту или документу иной отраслевой принадлежности, которые, по существу, опосредованно влияют на квалификацию соответствующих преступлений. В практической деятельности заключение судебно-медицинской экспертизы объективно выступает определяющим фактором, влияющим на квалификацию

преступления, связанного с причинением вреда здоровью. В такой ситуации судебно-медицинский эксперт объективно создает условия, непосредственно влияющие на квалификацию деяния. Как показывает судебная практика, правоприменители не исследуют данного вопроса, и, по сути, юридическая оценка деяния отдана на усмотрение судебно-медицинского эксперта.

В проведенном исследовании была рассмотрена только часть вопросов, связанных с квалификацией преступлений, посягающих на жизнь и здоровье, которые вызывают наибольшие затруднения. Используя предложенные рекомендации, можно избежать ряда ошибок при квалификации таких деяний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.10.2000 № 789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» // Российская газета. – 2000. – 31 октября 2012.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.08.2007 № 522 Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СЗ РФ. – 27 августа 2007. – № 35. – ст. 4308
5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. – 2008. – 5 сентября.
6. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.)» // СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – ст. 153.
7. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года (Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года)» // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 06.12.1926. – № 80. – ст. 600.
8. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – ст. 591.

9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.05.1947 «Об отмене смертной казни» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1947. – № 17.

10. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.04.1954 «Об усилении уголовной ответственности за умышленное убийство» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1954. – № 11.

11. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева // Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – С. 157-165.

12. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Конституционализация уголовного закона в сфере обеспечения права человека на жизнь / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». – 2014. – № 4. – С. 207-216.

13. Авдеева О.А. Правовая политика России в XII-XIV вв.: учебное пособие / О.А. Авдеева. – Иркутск, 2002. – 97 с.

14. Авдеева О.А. Правовая система России в XVI-XVII вв. / О.А. Авдеева. – Иркутск, 2004. – 59 с.

15. Авдеева О.А. Правовое регулирование уголовных правоотношений в России (IX-XVIII вв.): монография / О.А. Авдеева. – Иркутск, 2012. – 150 с.

16. Аветисян С. Проблемы соучастия в преступлении со специальным субъектом (специальным составом) / С. Аветисян // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 4-6.

17. Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. / Ю.Г. Алексеев. – Л.: Наука, 1980. – 243 с.

18. Артюшина О.В. Вопросы квалификации умышленных преступлений против жизни и здоровья / О.В. Артюшина // Правоприменение. – 2017. – № 3. – С. 135-142.

19. Боженок С.А. Квалификация преступлений против личности: учебное пособие / С.А. Боженок. – М.: ООО «Перспектив», 2019. – 96 с.

20. Бояров С. Квалификация убийства из ревности / С. Бояров // Российская юстиция. – 2002. – № 8. – С. 39.

21. Векленко В., Галюкова М. Психическое расстройство как признак причинения вреда здоровью / В. Векленко, М. Галюкова // Уголовное право. – 2005. – № 2. – С. 22-23.

22. Глущенко И.П. Преступления против жизни и здоровья, совершенные в состоянии аффекта / И.П. Глущенко // В сборнике: Теоретические аспекты юриспруденции и вопросы правоприменения. Сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 2018. – С. 50-53.

23. Джинджолия Р.С. Преступления против личности с оценочными признаками: вопросы квалификации / Р.С. Джинджолия. – М.: Русайнс, 2015. – 212 с.

24. Долголенко Т.В. Преступления против жизни и здоровья / Т.В. Долголенко. – М., 2016. – 129 с.

25. Зубкова В.И. Преступления против личности по законодательству России: история, законодательство и практика: монография / В.И. Зубкова. – М., 2016. – 274 с.

26. Карлов В.П. Проблемы квалификации при убийстве матерью новорожденного ребенка, совершенным в соучастии с другим лицом / В.П. Карлов // Российский следователь. – 2011. – № 7. – С. 19-22.

27. Козлобаев В.А., Батманова О.Е. Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / В.А. Козлобаев, О.Е. Батманова // Российский следователь. – 2011. – № 23. – С. 26-28.

28. Колобов Б.В. Армия и флот: Законодательство Петра I / Б.В. Колобов; Отв. ред. А.А. Преображенский, Т.Е. Новицкая. – М.: Юридическая литература, 1997. – 880 с.
29. Константинов П. Субъективная сторона убийства с особой жестокостью / П. Константинов // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 41-43.
30. Краткая медицинская энциклопедия: в 3 т. / под ред. Б.В. Петровского. – М., 1989. – Т. 2. – 608 с.
31. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза / И.А. Кудрявцев. – М., 1988. – 224 с.
32. Лысак Н.В. Некоторые спорные вопросы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / Н.В. Лысак // Российский следователь. – 2008. – № 18. – С. 16-19.
33. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов. – СПб., 2004. – 301 с.
34. Маршакова Н.Н. Проблемы классификации преступлений против жизни и здоровья (глава 16 УК РФ) / Н.Н. Маршакова // Научные труды РАЮН. – В 3-х т. – М.: Юрист, 2016. – Вып. 8. – Т. 3. – С. 305-307.
35. Мельников К.А. Проблемы разграничения убийства со смежными видами преступлений / К.А. Мельников // Постулат. – 2017. – № 5. – С. 6.
36. Метелица Ю.Л. Судебно-психиатрическая экспертиза потерпевших / Ю.Л. Метелица. – М., 1990. – 208 с.
37. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 2010. – 944 с.
38. Питерцев С. Оценка множественности ранений в посягательствах на жизнь / С. Питерцев // Советская юстиция. – 1973. – № 19. – С. 18-19.
39. Полякова О.В. Понятие и виды преступлений против здоровья и жизни человека в Российской Федерации / О.В. Полякова // В сборнике: Образование и наука в современных реалиях. Сборник материалов V

Международной научно-практической конференции. Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары, 2018. – С. 404-406.

40. Портнов И. Особенности аффектированного умысла / И. Портнов // Социалистическая законность. – 1979. – № 6. – С. 25-27.

41. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография / А.И. Рарог. – М., 2015. – 232 с.

42. Расторопов С. Понятие и система преступлений против здоровья по УК РФ 1996 г. / С. Расторопов // Уголовное право. – М.: Интел-Синтез, 2017. – № 4. – С. 37-39.

43. Российское законодательство X-XX вв. Законодательство Древней Руси / Отв. ред.: В.Л. Янин; Под общ. ред.: О.И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.

44. Рясов А.И. Некоторые особенности квалификации преступлений при конкуренции уголовно-правовых норм / А.И. Рясов // Гуманитарные и юридические исследования. – 2013. – № 2. – С. 66-69.

45. Савин П.Т. Особенности уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья по законам брегонов / П.Т. Савин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 2 (16). – С. 84-87.

46. Сердюк Л.В. Детоубийство: вопросы правовой оценки / Л.В. Сердюк // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 43-45.

47. Ситковская О.Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта / О.Д. Ситковская. – М., 1983. – 71 с.

48. Скачкова Н.П. Проблемы квалификации некоторых преступлений против личности при конкуренции составов преступлений / Н.П. Скачкова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 178-180.

49. Судебная медицина: учебник для юридических вузов / под общ. ред. В.Н. Крюкова. – М., 2008. – 432 с.

50. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / сост. С.В. Бородин. И.И. Иванова ; под ред. В.М. Лебедева. – М., 2005. – 1022 с.

51. Судебная практика по уголовным делам / Сост. Г.А. Есаков. – М.: Проспект, 2005. – 766 с.

52. Судебник Ивана III: Становление самодержавного государства на Руси / Под общ. ред. И.Я. Фроянова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – 460 с.

53. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1885 г. / Н.С. Таганцев. – СПб., 1909. – 1111 с.

54. Тенитилова В.В. Причины ошибок, возникающих в практике следственных и судебных органов, при квалификации убийства в процессе установления мотивационной сферы содеянного / В.В. Тенитилова // Российский следователь. – 2009. – № 12. – С. 11-12.

55. Толмосов В.И. Преступления против личности: курс лекций / В.И. Толмосов. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2009. – 172 с.

56. Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года: Законодательство царя Алексея Михайловича / Составитель, автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2011. – 422 с.

57. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М., 1999. – 832 с.

58. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 2000. – Т. 2: Особенная часть. – 816 с.

59. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М. 2004. – 742 с.

60. Шарапов Р. Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека и обратная сила уголовного закона / Р. Шарапов // Уголовное право. – 2009. – № 1. – С. 54-57.

61. Якушин В.А., Каштанов К.Ш. Вина как основа субъективного вменения / В.А. Якушин, К.Ш. Каштанов. – Ульяновск, 1997. – 65 с.

62. Гудимов Л.С. Уголовно-правовая характеристика умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью человека: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.С. Гудимов. – М., 2008. – 213 с.

63. Донцов А.В. Похищение человека: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Донцов. – Ростов н/Д, 2003. – 26 с.

64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. – 1999. – № 24.

65. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. – 2003. – 18 января.

66. Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2007 № 299-П07 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_38716.htm (дата обращения: 18.10.2018).

67. Архив Санкт-Петербургского городского суда за 1997 г. Дело № 2-232 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/sud_18113.htm (дата обращения: 18.10.2018).

68. Архив Санкт-Петербургского городского суда за 1997 г. Дело № 2-334 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/sud_17887.htm (дата обращения: 18.10.2018).

69. Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2000 г. Дело № 2-309 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/sud_22912.htm (дата обращения: 18.10.2018).

70. Архив Октябрьского районного суда г. Омска за 2004 г. Уголовное дело № 2956 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL.:http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/sud_25455.htm (дата обращения: 18.10.2018).

71. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 6.

72. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 8.

73. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 4.

74. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – № 2.

75. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 9.

76. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 2.

77. Albonetti C.A. Criminality, prosecutorial screening, and uncertainty: toward a theory of discretionary decision making in felony case processings / C.A. Albonetti // *Criminology*. – 1986. – № 24. – P. 623-644.

78. Chornyi O. Current issues of qualification and difference between the act of terrorism and sabotage / O. Chornyi // *European Cooperation*. – 2017. – V. 1. – № 20. – P. 94-98.

79. Eisenstein J.; Jacob H. Felony justice: an organizational analysis of criminal courts / J. Eisenstein, H. Jacob. – Lanham: University Press of America, 1991. – 423 p.

80. Spohn C. Reflections on the Exercise of Prosecutorial Discretion 50 Years After Publication of *The Challenge of Crime in a Free Society* / C. Spohn // *Criminology & Public Policy*. – 2018. – № 17. – P. 321-340.

81. Winter A.S., Clair M. Jurors' Subjective Experiences of Deliberations in Criminal Cases / A.S. Winter, M. Clair // *Law & Social Inquiry*. – 2017. – № 43. – P. 1458-1490.